

ТАТА ОЛЕЙНИК

Альтраум III

НОСИТЕЛЬ ФОНАРЯ

Тата Олейник

Носитель фонаря. Альтраум III

«Автор»

2022

Олейник Т.

Носитель фонаря. Альтраум III / Т. Олейник — «Автор», 2022

Третий том цикла "Альтраум". Запертый в вирутальности Нимис и его друзья продолжают пытаться выжить в суровом мире Альтраума - с переменным успехом. Теперь их задача - оживить то, что ожить не может, для чего им придется спуститься в подземный мир, тем более, что в надземном мире их продолжают преследовать неприятности с длинными шпагами и большими топорами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тата Олейник

Носитель фонаря. Альтраум III

Глава 1

Первые недели лета выдались настолько одуряюще жаркими, что даже в шесть утра на баркасе уже было не сказать, чтобы свежо. Очень хотелось хотя бы опустить ноги в нежно-голубую воду за бортом, но, памятуя, что из этой воды вытаскивается, я этого соблазна успешно избегал. Море здесь кишит презлобной живностью, только не у берега, конечно, у берега стоят защитные сетки с магическим укреплением, которые пропускают лишь маленьких разноцветных безобидных рыбок, долженствующих придать еще больше очарования знаменитым виванским морским купаниям.

За сетки же выплывать не рекомендуется. Категорически.

Легкая разноцветная рябь справа от меня сейчас, например, указывала, что к лодке приближается стайка пальцехватов-ухоедов. Совершенно прелестные, круглые, как монетки, серебристые рыбешки с красными пятнышками на улыбающихся мордах обладали неприятной привычкой моментально вцепляться во все выступающие части тела и лихо оные обгрызать, так как эффект улыбки у рыбок образовался за счет того, что в рыбкин рот просто не помещались целиком ее острейшие немаленькие зубы. Кроме того пальцехваты отличались способностью моментально сжирать любую мясную приманку с крючков, и даже если удавалось подсечь и поймать кого-нибудь из этих нахальных засранцев, то смысла в этом никакого не было – пальцехваты отвратительны на вкус.

Я вздохнул, вынул из воды леску и поменял червяков на тесто. Пальцехваты теперь будут довольно долго крутиться вокруг лодки, они донельзя любопытны и никогда не оставляют надежды на то, что с лодки к ним прилетит что-нибудь пожрать. Сам виноват – нечего было подкармливать их рыбьими потрохами. Приучил на свою голову.

А тесто многие ценные обитатели глубин проигнорируют, плевать им на тесто – им подавай крупные, с выпученными глазами головы креветок, жирных извивающихся червяков и прочие отнюдь не вегетарианские деликатесы. Впрочем, рыба-зеркало, скажем, или огромная тихоходная черекула ничего против теста не имели, а вкуснейший и дорогостоящий саблезубый сопленок другого угощения и не признавал, так что поживем-увидим.

С чем в Виване хорошо, так это со спросом на дорогую рыбу. Даже если цены местами и не дотягивают до стандарта «Морских чудищ», то ассортимент покупаемого огромен. Ресторанов в Виване больше, чем аквапарков, а уж с аквапарками в этой курортной дыре все более, чем в порядке, поверьте мне. Ни одного свободного сантиметра горизонта нет на здешнем небе, в поле зрения непременно попадут какие-нибудь «Шпили мокрющего ужаса» или «Колеса с выворотом», с каковых колес и спиелей круглосуточно несутся звуки адской попсы вперемешку с радостными воплями отдыхающих. Лишь с наступлением ночи эти дивные звуки перестают быть слышны, но не потому, что аквапарки на ночь тут закрывают, размечтались, – просто их шум перекрывается звуками бесчисленных дискотек на набережных и в парках. Разумеется, весь этот трудоемкий отдых вызывает сильнейший аппетит, поэтому лотков с пирожками, разносчиков пищащего мороженого и киосков с хихикающими хот-догами тут великое множество, не говоря уж о харчевнях, трактирах, тавернах, едальнях и прочих обжиральнях, в том числе о ресторанах высокой кухни Альтраума для граждан, чьи банковские счета и нашейные мешки лопаются от игровой валюты.

Лично я поставлял рыбу сразу в шесть ресторанов, а мог бы и в дюжину, если бы у меня было побольше рук, а в сутках – больше времени. Дорогая рыба – тут главный деликатес.

Потому что всякие злаки-овощи вырастят трудолюбивые фермеры или привезут из-за моря купцы, пряные травы соберут неугомонные травники, которые все равно сырье для алхимиков круглыми сутками разыскивают, а мясо всех видов безостановочно добывают миллионы игроков, ищущих приключений. Да, какую-нибудь печень голубого василиска можно получить только из монстра, которого рейд в сто человек с трудом укладывает, но все-таки большинство мясных ингредиентов поварам раздобыть куда проще, чем высокоуровневую рыбу. Потому что рыбу ловят только рыбаки. Ты можешь, разумеется, взять гарпун, нацепить на голову шар дыхательного заклинания и начать бегать под дну морскому в поисках рыбки, вот только большинство рыб тебе просто не покажется, а показавшись – к себе не подпустит, повезет, если сумеешь изловить какую-нибудь зазевавшуюся селедку. Даже устриц проще ловить на удочку – хотя я ума не приложу, зачем эти моллюски вообще за крючки цепляются: видимо, игровая условность. Так что все упирается в рыбаков. Со многими из них, заселившими здешние набережные и пирсы, я свел шапочное знакомство и выяснил немало нюансов о своем ремесле.

Оказывается, я действительно счастливчик.

Рыбалка считается тугим навыком – у большинства игроков она застревает на уровне 30+ и нужно месяцами рыбачить с утра до вечера как подорванному, чтобы попытаться вырваться за пределы «проклятой тридцатки». Чтобы в следующий раз засесть уже ближе к пятидесяти. Все это время тыловишь всяких никчемных сардинок и медуз, которые даже близко не окупают потраченное время. На этот этапе ломаются девять из десяти рыбаков: практически любой нормальный человек, знающий арифметику, в конце концов приходит к мысли, что в этом мире существуют тысячи куда более интересных и прибыльных дел.

Остаются маньяки, безумцы и те, кто и в реальности фанатично любит ловить рыбу. Впрочем, и из них лишь единицы через годы и годы сумеют добраться до вожаемой сотни очков навыка, обычно после 90 (со всеми удочками и прочими артефактами на плюс к рыбалке) навык вообще перестает расти, и последние единицы добывают квестами. Каковые квесты еще надо ухитриться раздобыть, а потом потратить такую кучу сил и денег на их выполнение, что никакие цены на высокоуровневую рыбу тебя еще долго радовать не будут.

Так что мне просто страшно повезло с Нерпячьим островом – нужно будет как-нибудь до него добраться и благодарно расцеловать каждую его льдинку. По крайней мере, теперь я хоть как-то могу оплачивать свои медицинские счета и даже накапливать средства на будущее – сейчас, например, уже почти три недели жизни в запасе.

У ребят дела идут похуже. Собственно, кроме меня зарабатывает только Ева, мрачнющая все больше с каждым днем пребывания в прекрасном Виване. Понять ее можно – она устроилась в шоу «Магессы-бомбессы» и по четыре раза в день должна выбегать в розовых панталонах на арену вместе с другими повелительницами стихий – пускать там огненных драконов и устраивать водяные пирамиды, и показывать, как эффектно может сползать корсет, если долго прыгать на батуте вверх ногами...

Не, я-то сам представления не видел, Ева очень убедительно пообещала вскрыть глотку любому из нас, кто только посмеет сунуть любопытный нос в шатер «Бомбесс», но афиши-то по всему городу развешены. Однако, две с лишним сотни золота в день – это какой-никакой прибыток, а с деньгами у Евки, насколько я понял, в реале сейчас весьма паршиво. Акимыч тоже утопает в неподъемных кредитах, но у него совсем глухо. Он устроился разносчиком в «Волшебную пиццерию» и живет только на чаевые, но беда в том, что те, кто посылает голубей с заказами в такую жалкую забегаловку, обычно и на чаевые не очень щедры, а любой ресторан рангом повыше предпочитает курьеров верховых, а еще желательно и летающих, Акимыч же носится с коробками по клиентам на своих двоих. Правда, он при этом хорошо качает скорость, бег и выносливость, но он бы предпочел подкачать немножко больше монет в свой дырявый бюджет.

Лукась же вынужден сидеть безвылазно в той дорогостоящей помойной дыре, которую мы снимаем по видом номера в гостинице: за цену, за которую в Мантисе сдавался целый дом, в Виване мы можем позволить себе лишь две крошечные комнатенки с чуланчиком, в котором спит Ева. И в этих комнатенках Лукась проводит все дни безвылазно, потому что ему нужно пасти Хохена. Наш молчаливый рыцарь категорически не желает оставаться один, и если в нескольких метрах от него нет никого из нас четверых, то парень с лязгом и скрежетом идет за тем из нас, кто на данный момент поближе. Обычно строго по прямой, не обращая внимания на такие мелочи, как заборы палисадников, пляжные шезлонги и торговые палатки: заплатив несколько раз нехилые отступные за раскуроченное имущество, мы зареклись оставлять нашу железную деточку без надзора. Так что Лукась сидит в гостинице и целыми днями рассказывает Хохену о том, как жестоко с Лукасем обходилась судьба, а Хохон торчит посредине гостиной и покрывается пылью, которую Лукась иногда задумчиво стирает тряпочкой с полиролем.

Поплавок дрогнул и столбиком ушел под воду. Странно, что азарт при виде этого зрелища все еще меня не покидает. И пусть приятное ощущение ёканья в животе не так сильно, как в начале моего рыбацкого пути, но все-таки я, наверное, никогда не разлюблю этого дела. Гус говорит, что у меня еще и уши торчком встают, когда клюет, я сам не видел, не знаю, но вроде ощущается что-то такое.

На крючке висела неказистая сардинка размером в палец. Ну что же, сотенный ты рыбац или не сотенный, но иногда бывает и так. Сегодня вообще клев не очень балует – либо дешевая рыба, либо ящики с кусками гранита, жестяными листками и свертками льняных мятых тряпок. Подсвечник вон еще поймал: медный, сломанный и совершенно не волшебный. «Море к нам обоим сегодня не слишком милостиво, увы», – сказал я сардинке, снимая ее из крючка и выбрасывая в воду, – «но тебе все-таки, мой рыбный друг, немного повезет. Плыви на свободу, ибо ты не стоишь того, чтобы возиться с твоей продажей, было бы вас штук двести, с такого большого коллектива был бы другой спрос». Нацепил новый комочек липкого теста на коварное острие и устался на море. По его синему морщинистому бархату к виванскому порту, как стая лебедей, шли белые корабли каравана. Из Антии, наверное, пассажирские, не торговые. Торговые суда предпочитают Мантис: там речным флотом потом товары отправляются к крупным городам, а из Вивана только сухим путем куда-то добраться можно. Полюбовавшись белыми, пышными, как крем на свадебном торте, парусами и гордыми носами странников моря, я отогнал обнаглевшего пальцехвата, пытающегося залезть на поплавок, и перезакинул удочку с другого борта. Гус, как всегда, спал и только пробурчал недовольно, когда я закапал его водой с удочки.

Нужно бы его растолкать, чтобы перевел Вонючку на другое место, тут что-то совсем не везет сегодня – еще пара сардин не улучшила моего настроения.

Я почти было уже принял решение пихнуть верзилу в бок, и тут удочка в руке напряглась, рванулась так, что я еле ее удержал, выгнулась дугой.

– Просыпайся, – крикнул я Гусу. – Похоже, кто-то здоровый, доставай копьё.

Методом проб и ошибок мы уже выяснили, что легче всего забивать здоровых чудищ именно копьём – коротким, с широким тяжелым лезвием, которым можно и плашмя глушить, и колоть, если понадобится. Плотоядного китоконя, скажем, с его тремя головами, только копьём и можно приделать, с кинжалом к нему к нему лучше и не соваться, он острой чешуей пуляется – недалеко, но мощно. Хорошо, что у Гуса здоровье непися, меня-то китокони уже пару раз на кладбище портовое отправляли.

Но на этот раз обошлось без китоконей, из воды, клубясь черно-лиловым, показалась мантия медузного миражера, и Гус, отложив копьё, достал из ящика сеть, которой и подтянул упиравшуюся добычу к лодке.

Тут уж не знаешь, радоваться или нет. Этот студенистый сгусток непойми чего используется для приготовления морского вина, беда только в том, что в руки повара он должен попасть не позднее, чем через час после вылова, иначе растает влажным туманом – и все.

Вон, при вызове информации таймер виден, который и в инвентаре не остановится. Такой здоровый экземпляр уйдет голды за триста, но придется срочно возвращаться в город, а это, считай, пара часов потеряны, а то и больше. С другой стороны, своими руками выкидывать за борт три сотни золотых я не готов...

– Гребем к берегу в темпе вальса. Ты оттащи все камни и тряпки на аукцион тогда, раз уж все равно перерыв, а я добегу до «Королевской трапезы», скину им. Надеюсь, у них высокоранговые повара с утра уже работают.

Вообще я первый раз вижу, чтобы миражер с утра клевал, они до сих пор только на вечерней заре вылавливались.

В «Трапезе», выбранной мною за близость к порту, миражеру обрадовались, как родному, повар-игрок Дэдди и торговаться не стал, кинул мне вексель и принялся запихивать миражера в бочку, густо пересыпая каждую его складку солью, перцем и корицей.

– Здоров, чертяка, литров пятьдесят выдоим, – сказал Дэдди, прихлопнув бочку крышкой и отдуваясь.

– Хорошее вино хоть получается?

Дэдди пожал плечами.

– Морское вино чувствительность на максимум выкручивает. Само оно – просто соленая водица, но любая еда под ним – в десять раз вкуснее, главное, ничего слишком острого не брать. И секс после стаканчика, ууу... брат....

– А если коленкой удариться когда чувствительность на максимуме?

– Не стоит. Морское вино нужно пить на удобном мягком диване в компании не очень брыкающейся, пользующейся твоим абсолютным доверием девушки – в течение часа нужно быть весьма и весьма осторожным со своим телом, если не хочешь испытать действительно незабываемые ощущения. А еще лучше совсем без девушки, гроздь винограда, например, плитка шоколада и пара леденцов отправят тебя в рай не хуже и безопаснее.

– Если только зубы не заболят, – кивнул я, понимая.

Дэдди скривился и возвел очи к небу, показывая, что не надо шутить такими ужасными вещами, я перевел содержимое векселя на банковский счет и распрощался, пообещав, как обычно обещал всем поварам, что все самое интересное я первым делом непременно буду приносить и показывать ему. Повара не меньше владельцы ресторана заинтересованы в редких ресурсах, они на них еще и профессию прокачивают.

Я вышел на порог «Королевской трапезы», которая полностью соответствовала своему названию, так как была увешана вывесками с золотыми головами неких несомненно коронованных особ, и головы эти были столь явно отделены от приличествующих им тел, что на ум приходили все эшафоты, на которых кончали дни своего величия сильные мира сего. Я задумался, как могли бы трапезничать люди, столь сурово разделенные с большей частью своей пищеварительной системы, и даже пару раз хихикнул, прежде, чем понял, что мне в грудь упирается острие самой настоящей шпаги.

Трое игроков со знаками клана «Глубоко Фиолетово» перекрыли тротуар, а тот, кто тыкал в меня шпагой, тип с ником Конабиц, улыбался ухмылкой аллигатора, разглядывая меня, как некую диковинную бабочку, которую он как раз собирается насадить на иглу.

– Кого мы тут видим! – сказал Конабиц. – всего десять минут, как сошли с корабля, а тут такое по улицам бродит.

Насколько я понимал, убивать они меня не станут, а как-нибудь вырубят и похитят. Ева говорила, что на форумных объявлениях за меня давали награду лишь в том случае, если я

буду «доставлен в резиденцию клана живым». И так как за все время нашей жизни в Виване никто из местных или туристов ни разу не обратил на меня особого внимания, мы сочли, что это объявление затерялось среди множества подобных, да и награда в 5 тысяч золотых вряд ли кого могла так уж соблазнить. В общем, моя персона не вызвала никакого интереса среди местных сообществ охотников за людьми, всеми разыскиваемой знаменитостью я не стал, и лишь исключительная невезучесть привела меня в этот злосчастный миг под нос фиолетовых, волей случая оказавшихся в виванском порту.

Все это пронеслось в голове за доли секунды, а тело в это время зажило собственной жизнью. Я упал навзничь так быстро, словно всю жизнь этому учился, одновременно рука выхватила из инвентаря маленькую бутылку и швырнула ее в фиолетовых.

Вообще-то «красное ведьминское зелье» не стоит разбрасывать куда ни попадя. Даже капля его, попав на кожу, вызывает сильнейший зуд, который, в свою очередь, вызывает такую вспышку тупой ярости, что когда я опробовал в целях эксперимента зелье на собственном запястье, ребята с трудом оттащили меня от кресла, которое я попытался разобрать на щепки только по той причине, что оно оказалось у меня на дороге. Тупоумный приступ ненависти, слегка разбавляемый страстным желанием чесаться, длится не больше минуты – и этой минуты мне сейчас хватило, чтобы перекатиться на четвереньки и упрыгать обратно в «Трапезу», где я, сшибая по дороге столики и лимоны в кадках, рванул на кухню к Дэдди и забился под разделочный стол, дрожа всем телом, как гигантский перепуганный кролик.

– И что у нас стряслось? – поинтересовался Дэдди, заглядывая под стол с огромным разделочным ножом в руках.

– За мной гонятся! Фиолетовые! У нас клановая война!

– О том, чтобы выйти врагам навстречу и сразиться с ними, как мужчина, речи, насколько я понимаю, не идет? – спросил Дэдди. – Ладно, ладно, шучу. Сколько их? Я с ними справлюсь?

Судя по голосам из зала, фиолетовые уже избавились от чесотки ярости и искали меня по ресторану.

– Давай-ка сюда, – скомандовал Дэдди, открывая крышку большого железного бака. – Прыгай и зарывайся в отбросы.

Он едва задвинул крышку обратно, как в кухню ворвались.

– Рыжая тощая тварь пробегала? – резко спросил неприятный голос.

– Пробегала, – ответил Дэдди. – И выбежала через задний ход, туда. Поймаете, дайте ей пинка за кувшин разлитый.

Я сидел, скорчившись среди рыбьих потрохов и апельсиновой кожуры, и размышлял, что унижение – это ерунда по сравнению со многими другими неприятностями. Дэдди, насвистывая, рубил что-то своим тесаком. Опять послышались хлопанье двери и топот подкованных сапог.

– Там тупик и никого нет, он не возвращался?

– Там не тупик, – сказал Дэдди. – Там у левой стены – люк в канализацию, если прыгнуть вниз, то ищи-свищи.

– Ты его знаешь? – спросил, судя по голосу, Конабиц.

– Видел, – сказал Дэдди. – Нагловатый парнишка, пару раз приходил рыбу продавать.

– Где живет, знаешь?

– Без понятия, тут таких сотни ходят.

– Если увидишь еще – задержи и сообщи сюда, – шурушание бумаги. – С нас будет причитаться.

– Заметано! – сказал Дэдди, открыл крышку бака – я аж похолодел – и высыпал мне на голову ведро картофельных очистков.

– Тут он нигде не мог спрятаться?

– Ну, посмотрите в холодильнике в кладовке, да только он забит весь. Точно, что в канализацию утек ваш рыжий, я вроде слышал, что решетка люка хлопала.

Конабиц грязно выругался.

– Не, там катакомбы, – ответил Дэдди на вопрос, который я не расслышал, похоже, очистки в ухо забились. – Лабиринт, даже со следопытами без толку искать, нюх там -ха!– так перекроет любому нюхачу, что он потом и собственную задницу не унюхает. Правда, и выход наружу найти не всякий сможет, так что вероятнее всего утопнет ваш рыжий в дерьме, или крысы его съедят, можете сразу на кладбище его ловить. Что он натворил-то хоть?

– Он вор и мошенник! – ответил кто-то из фиолетовых с такой убежденностью, что я сам чуть ему не поверил.

Ну, это и по роже видно, – весело ответил Дэдди и опять застучал тесаком.

Глава 2

– Они в зале засели, – негромко сказал Дэдди минут через десять, открывая бак и рассматривая мою голову, торчащую из помоев. – Заняли лучший столик, а заказали только кувшин дрянного морса, ждут кого-то.

– Ничего, я тут спокойно еще посижу, – сказал я. – Хоть до вечера.

– Это вряд ли, у меня таймер сработает через четверть часа, а мой сменщик выдаст тебя с потрохами – жуткий тип. Лучше поехали к люку, нырнешь в канализацию, как и было говорено, а там уж разберешься.

– За что мне это все? – горько поинтересовался я у пространства. – Почему мне просто не дают спокойно жить, я ничем не заслужил, чтобы со мной так обращались!

– А ты чувствовал бы себя лучше, если бы знал, что все это заслужил? – с любопытством спросил Дэдди.

Я промолчал, и мы поехали, взвизгивая колесиками бака, к люку.

– Вылезай тихонько и быстро, пригнись и ныряй в люк, скобы на стенке, не свалишься. Если за тобой полезут в погоню – не дрейфь, там реально катакомбы жуткие, неделями можно бродить.

– Я не хочу неделями бродить по канализации, – угрюмо сказал я. – А у меня правда наглый вид и рожа мошенника?

– Если только очень издали смотреть, – Дэдди мотнул головой в сторону люка.

Я со вздохом вылез из бака и нырнул под поднятую решетку. Из люка пованивало, противно-сколизкие металлические скобы были натканы в произвольном порядке далеко друг от друга, я кое-как их нашаривал ногами. Вывернутый вслед бак с отбросами не улучшил настроения, потому что немалая часть помоев пролилась на мою многострадальную башку.

Надеюсь, Гус не припрется в «Трапезу» искать меня, – думал я. Впрочем, в порту ему ошиваться тоже не стоит, раз там фиолетовые бродят, хотя от корабельных причалов «Вонючка» далеко пришвартована. Зная повадки и обычаи моего слуги, я надеялся, что он, не мудрствуя лукаво, просто засядет в одной из матросских пивных перед пирсами, тем более какие-то наличные у него после посещения аукциона имеются. Не раз уж он такое проделывал, и мне, к счастью, так и не удалось отучить его от этой предосудительной привычки.

Когда самые тщательные поиски в виде махания то левой, то правой ногой, не принесли никакого успеха в деле нахождения очередной скобы, я решил прыгнуть. Точнее, сперва уцепился за последнюю скобу, извиваясь всем телом, пополз по стене и повис на вытянутых руках, а потом со словами «ну, ладно...» разжал пальцы, готовясь к долгому полету и бесславной смерти в конце его. Но вряд ли я пролетел больше полутора метров как с громким хлопанием приземлился задом в воду, взорвавшуюся волной таких неповторимых ароматов, что я немедленно вскочил, не озаботившись вопросом, насколько целы все кости.

Когда глаза совсем привыкли к местному освещению, я увидел, что стою в тоннеле с очень низким сводчатым потолком из серого кирпича, прямо над головой у меня – темная труба с крошечным ярким окошечком люка в немыслимой дали, а под ногами – канава глубиной примерно по колено, наполненная жидкостью, фосфоресцирующей зеленоватым светом. По жидкости медленно дрейфовали разнообразные малопривлекательные штуковины, в одной из которых я опознал гнилую луковку.

В конце концов это не может быть настоящая канализация, успокоил я себя, припоминая волшебные особенности местных ночных горшков. Просто сюда сваливается весь хлам и сливаются все стоки, чтобы исчезнуть во время очередного обновления мира. А вонища, навверное, сгенерирована геймдизайнерами по дефолту – прямо вижу, как они сидят и обсуждают –

не добавить ли тухлятинки? легкий шлейф навозного амбре? гамма выдержанного кошачьего лотка? достаточно ли выражены нотки тошнотворной кислотности?

И раз тут все само по себе исчезает, значит, бессмысленно искать место, куда эта канализация должна сливаться – выход нужно искать вверх. Уйти подальше и искать очередной такой же люк.

Эта сокровенная часть Вивана была очень поучительна и наводила на философские мысли о том, какая гадость может скрываться под внешним лоском и блеском – увидели бы все эти холеные курортники, над чем они веселятся, танцуют и едят – их бы стошнило от такой правды жизни. Со стен сочилась пузырящая слизь, от запаха слезились глаза, то и дело приходилось обходить сталактиты из чего-то исключительно омерзительного. Тоннель бесконечно делился, разветвлялся и петлял, и когда я счел, что достаточно далеко ушлепал по фосфоресцирующей жиже, то принялся задира́ть голову, пытаюсь увидеть подъем наверх. За это я тут же бы вознагражден тем, что на лицо шмякнулась отвратительная плюха чего-то липкого с потолка. Взвыв от отвращения я, как мог, оттерся мокрым рукавом.

– Потерялсссяя? – ласково прошептали мне из мрака.

Я дернулся, хотя не очень-то испугался, скорее от неожиданности. Первую секунду воображал, что это кто-то из фиолетовых меня-таки достал, но потом сообразил, что вряд ли живой человек может свисать с потолка такой бесформенной кучей.

– Потерялссся! – удовлетворенно вздохнули с потолка.

– Вы кто? – спросил я.

Молчание было мне ответом. Но темная масса, кряхтя, частично перевалилась с потолка на стену, и я смог разглядеть ее получше. Это был студенистый бесформенный мешок, частично прозрачный, если понятие «прозрачность» может включать в себя такие составные части как грязь, коричнево-зеленый цвет и малоаппетитные объекты, в этой прозрачности застрявшие. Я, кажется, признал в одном из объектов большой крысиный череп и очарован этим зрелищем не был.

– Дай кусснуть, – просипел обладатель черепа. – Кусснуть дай.

Я опасливо вжался в противоположную стенку. С другой стороны, учитывая распространенную среди обитателей Альтраума привычку кусаться с наскоку, без всяких просьб и предложений, это привлекательное создание было, похоже, по здешним меркам джентльменом и образцом хороших манер.

– Вот еще! – сказал я самым смелым голосом из имеющихся в ассортименте. – Никому я ничего не дам. Идите... Ползите прочь своей дорогой!

– Здесь все дороги – мои, кхи-кхи. А вот ты своей дороги не найдешь, не найдешь-сс. Ходить будешь и умрешь, и умрешь. А старому Гагусу придется обсасывать твои косточки, обглаживать твое тухлое мясо. Старый Гагус любит тухлое мясо. Но ему нужна-нужна и горячая кровь. Дай куснуть.

– Нет. Дайте мне пройти и кусайте сами себя.

– В этом нет никакого смысссла. У Гагуса нет горячей крови. Только воля и разум.

– Ну и замечательно. Наслаждайтесь всем этим и не смейте ко мне приближаться.

Я перешагнул через один из шевелящихся отростков этой гигантской сопли и решительно захлопал по тоннелю по колено в канализационных стоках.

– Выход ищешь? Ищи-ищи. Ничего ты не найдешь без старого Гагуса. Еще вернёшься и будешь умолять чтобы я выпил кровушку из твоих жилушек.

Я решил проигнорировать гнусное пророчество и как можно быстрее забыть об этой чудесной истории, так как есть вещи, которые очень не хочется вспоминать в минуты уютных размышлений о пройденном жизненном пути. Ну что же, очередное доказательство того, что Lesto горячо привечает в своих рядах психопатов и извращенцев всех мастей. Ведь кто-то сидел, придумывал для этого Гагуса скрипты, сценарии, с удовольствием конструировал все

эти желеобразные бородавки и полупереваренные черепа. А потом шел домой: к жене, к детям, несвязанный, без смирительной рубашки, наслаждался домашним покоем... А я вот тоже хочу насладиться домашним покоем, но вынужден убегать от всяких ублюдков, ледяными ногами брести по мерзкой каше и задирать голову в надежде увидеть выход из ситуации. И если бы хотя бы еще так не воняло...

Я слонялся по канализации примерно вечность или около того. Всё было одно и то же: низкие, поросшие мхом и покрытые слизью полукруглые своды тоннелей, фосфоресцирующая жижа, длинные бледные поганки на стенах, всепроникающий, пропитавший меня насквозь дух гнили и разложения – и ни единого выхода. Я попытался использовать вычитанное где-то «правило левой руки» – шел вдоль левой стенки, сворачивая налево же в каждый проход на ней, но канализационный лабиринт был то ли неправильный, то ли просто слишком обширный, во всяком случае «правило» не сработало, ни к какому волшебному выходу я так и не пришел. Вымокнув, провоняв и измотавшись вконец, я присел на крошечный, жесткий и страшно неудобный выступ на стене, чтобы передохнуть и собраться с мыслями. Мыслей как таковых не наблюдалось. Во всяком случае, могущих принести хоть какую-то пользу. Единственный гениальный план, который я смог придумать – это утопиться в гнусной жиже и воскреснуть на кладбище. Будь я героем какой-нибудь книжки, непременно так бы и сделал, но в реальности, по крайней мере, в том, что заменяет мне реальность, это было почти невысказано. Штраф на самоубийство подарил бы мне незабываемые ощущения. Можете сами как-нибудь попробовать утопиться в зловонной луже, чтобы понять, насколько невозможно это сделать нормальному человеку.

– Пристрелите меня кому не жалко, а?! – простонал я.

– Пистулета нетссс, – просипели из мрака бокового тоннеля.

Сказал бы мне кто часа три назад, что я обрадуюсь этому кошмарному Гагусу как родному...

– Ладно, – сказал я со вздохом, – кусай и показывай дорогу.

– Так я и знал, все вы одинаковые, – просипело чудище. – Сперва орете и тыкаете в Гагуса всякими железными палками, а потом умоляете, чтобы он попил вашей глупой кровушки. Но ты умный, ты быстро передумал.

– Я не умный, я хилый. И очень устал. И очень хочу домой. И не имею привычки верить в себя и свои силы. Кусай быстрее, можешь хоть насмерть закусать, лишь бы это все скорее кончилось.

– Зачем нассмерть? Гагус честный и исполнен сострадания. Гагус выпьет всего четыре... нет, пять глоточков и покажет тебе путь наверх. Зато в следующий раз, когда ты сюда упадешь, ты уже не будешь спорить и обижать Гагуса, потому что будешь уже знать, что Гагус – единственный ключ от дверей и единственный ответ на твои мольбы.

Шепча все это, разумная слизь выбрасывала из своего тела длинные отростки, которые поползли и впились мне в руки, в шею и в загривок. Послышалось мерное и даже в чем-то мелодичное урчание. Гагус вздувался и опадал, мурчал, как самая жуткая кошка в мире, толкал меня горячими присосками. Мне стало странно спокойно и очень захотелось спать.

Из состояния дремоты меня вырвал вопль Гагуса

– Больно! Больно! Гагусу жжетеньки! Мерзкий, ядовитый, подлый враг, обманул Гагуса, отравил его своей дурной кровушкой!

Присоски отпали от меня и быстро втянулись. Гагус дергался, дрожал и верещал на разные голоса.

– Ядовитая, ядовитая тварь! Ох, как больно!

– Я могу чем-то помочь? – вяло и равнодушно спросил я.

Казалось что все, происходящее вокруг, – где-то очень далеко и все равно ненастоящее.

Вместо ответа Гагус снова взвыл, взметнулся вверх и с неожиданной скоростью потек по потолку тоннеля, периодически взрываясь клубами зеленого вонючего газа, причем каждый взрыв сопровождался новыми отчаянными причитаниями. Я попытался плестись вслед, но ослабевшие ноги подкосились и я плюхнулся в жижу.

Ну что же, приплыли. Если Гагус не врал, и он – действительно единственный способ отсюда выйти, то теперь я обречен на жизнь в канализации. Буду тут ползать, жрать крыс и поганки, в конце концов сам, небось, превращусь во что-то вроде Гагуса. Если он сейчас помрет от моей отравленной крови, – кстати, почему она у меня отравленная? – то, возможно, я органично его заменю, начну охотиться на неудачливых игроков и клянуть у них кровушки.

Представив картину такого своего будущего в красках, я неожиданно громко расхохотался: чувства возвращались кое-как и вразнобой, и сейчас, видимо, настала очередь чувства юмора. От смеха я повалился назад, ударился затылком о кирпич, торчащий из стены, и уставился вверх, не веря своим глазам. Далеко-далеко надо мной виднелся крошечный голубой квадратик люка

Полз по скобам я долго и мучительно, слабость все еще оставалась, а склизкие обувь и руки подъему не способствовали, равно как и мокрая одежда. Больше всего я боялся, что решетка на люке будет закрыта или так тяжела, что я не смогу ее поднять, но, к счастью, оставшейся у меня жизненной энергии хватило, чтобы сдвинуть металлическую решетку – цель получилась не слишком широкая, но я смог кое-как протиснуться. Нарядные и умиротворенные гости фешенебельного курорта Виван, судя по отдельным возгласам, были несколько фраппированы видом кучи вонючих отбросов, вылезающих из канализации, но я перенес отвращение почтенной публики стойко и, оглядевшись по сторонам, уяснил, что нахожусь в самой туристической клоаке, как раз неподалеку от шатра «Магесс-Бомбесс». Как ни странно, все еще продолжался день, может, разве слегка смеркалось. Подавив в зародыше соблазн рвануть в шатер, найти там Еву и пожаловаться ей, я поступил мужественно и ответственно. А именно: сам потопал домой, распугивая прохожих и оставляя на тщательно выметенной мостовой Вивана мокрые зловонные следы.

Одно хорошо, если я сейчас нарвусь на патруль фиолетовых, они меня точно не признают. Хотя о чем это я? Ник и знак клана на груди никакая грязь не скроет, нужно будет пробираться к нашей гостинице самыми узкими и заброшенными закоулочками. Интересно, что же случилось с Гагусом? Это у него сценарий такой дикий, или с моей кровью действительно что-то не так?

Проигнорировав выражение ужаса на лице Лукася, я залез в жестяную лоханку, заменяющую нам ванну, и битый час качал деревянную ручку насоса, добывая жалкие струйки тепловатой воды из того, что в этой гостинице именовалось душем. Виван – дорогой курорт, а это значит, что всяким нищелюдам, не умеющим платить по сто золотых за ночь в приличном отеле, жизнь надо всячески затруднить. Я еще раз горячо пожелал работникам Lesto несколько статей из медицинской энциклопедии, включающих в том числе гайморит, гангрену и геморрой, (что-то меня на букве «г» заклинило, видимо, я все еще нахожусь под сильным впечатлением от Гагуса). Одежду вместе с ботинками я пихнул в мешок для местной прачечной, хотя и подумал, что некогда нам в прачечную белье сдавать будет. Раз фиолетовые пронюхали, что мы в Виване, они будут землю рыть, но нас из-под этой земли найдут. Я уже на собственном опыте

убедился, что Эллана – крайне целеустремленный и настойчивый в достижении своей цели человек. А, значит, из Вивана нужно сматывать удочки. Делать ноги. Драпать, не оглядываясь.

В довершение ко всему я еще и насос сломал. Вот как спасти свою жизнь – так у меня силы ноль. А как отдрать рычаг от насоса, так это всегда пожалуйста.

Некоторые говорят, что все происходящее с нами происходит не случайно, что жизнь каждого человека – это череда испытаний, долженствующих чему-то его научить. Мне это рассуждение всегда казалось сомнительным. Вот какой полезный опыт я мог бы вынести из своих странствий по канализации Вивана, какое сакральное знание? Что не надо теряться в канализации? Спасибо, я об этой важной истине догадывался и без практических занятий. Так что мне ближе теория, что наша жизнь наполнена совершенно бессмысленными событиями и никто в этом не виноват. Мне кажется, что с таким подходом существовать как-то проще. Кое-как оттерев последние следы канализации со своего многострадального тела и побрызгавшись одеколоном Лукася, я решил почувствовать себя новым человеком. Что было очень правильным решением с моей стороны, потому что старый больше ни на что не годился, а хотел есть, спать и ныть.

Быстро заглотив вчерашний пончик с синим сыром, я отрубился на диване до прихода Евы с Акимычем и успел увидеть сон, в котором Эллана верхом на Гагусе скакала за мной, размахивая рычагом от насоса. Да, я очень примитивный человек и сны у меня соответствующие.

Глава 3

Проснулся я, когда все уже были в сборе, от того и проснулся, что галдели вовсю. Только что заявившийся Гус был жив и здоров, упорно глядя в сторону, он неестественно честным голосом рассказал, что прождал меня на баркасе до вечера, а если от него попахивает портвейном, так это потому, что он на баркасе простыл, а когда он простывает, от него всегда портвейном несет.

Я призвал почтенную публику к молчанию и поведал о своих сегодняшних приключениях. Мысль о том, что нам придется покинуть Виван, избегая встречи с нашими фиолетовыми друзьями, не слишком опечалила компанию. Как-то у нас с Виваном не очень сложилось. Рыбалка здесь, правда, отличная и спрос на рыбу роскошный, ну так Виван – не единственный морской курорт в Трансильвии. Хотя, пожалуй, и самый дорогой.

Остальным же вовсе нечего было тут терять кроме цепей и розовых панталонов, так что весть о необходимости срочного бегства пришлась чуть ли не ко двору. Рассказ же о канализации вызвал особое внимание Евы.

– Как ты говоришь эту штуку зовут? Гагус? Постарайся, пожалуйста, дословно вспомнить что он говорил. Ага...ага...ага... Он действительно называл себя «ключом» и «ответом»?

– Единственным ключом и единственным ответом, да.

– Интересненько, – Ева зажала в руке тряпку, которой снимала рабочий грим, и задумалась.

– Что интересненько?

– Интересненько, почему игра все время тебе такие загадки подсовывает. Загадки-подарки. Жирные загадки-подарки.

После чего Ева рассказала нам, что была у нее довольно дорогая книга (на этих словах она не удержалась от того, чтобы бросить укоризненный взгляд на нашу компанию вокруг стола – вдруг мы забыли, по чьей милости Ева лишилась библиотеки). Книга достаточно ценная и достаточно редкая. «Легенды и мифы мастеров колбы» – сборник всяких алхимических баек. И имела там байка о Бальмовом Покое.

– Кто-нибудь знает что такое бальма? Это очень дорогой сплав, создаваемый исключительно алхимиками. Бальма делается из серебра, свинца и снега.

– Не такие уж дорогие ингредиенты, – сказал Акимыч.

– Ингредиенты-то недорогие, затык в том, что даже самый хороший алхимик способен произвести лишь крошечный кусочек этой бальмы в день. Второй раз за сутки можешь даже не пытаться, только котел испортишь. У бальмы есть две главные особенности. Во-первых, у нее очень и очень неплохое сопротивление магическим воздействиям. А во-вторых, бальма может проходить через любую преграду, если придать ей должное ускорение. Никакие каменные стены не спасут от стрелы с наконечником из бальмы: древко отлетит, а вот наконечник пробьет камень любой крепости. Правда, смысла в бальмовых стрелах особо нет, так как стрелы получаются очень дорогими, а шанс, что наконечник останется внутри врага, а не пройдет сквозь него, не оставив следов, не очень высок. Уж лучше стрелы зачаровывать любым из известных способов – убойная сила получается значительно выше, на бальму-то чары не наложишь.

– А яд? – спросил Акимыч?

– Теоретически можно, на практике опять-таки бессмыслица, ибо яд на стрелах вообще всегда кое-как действует. Так что проникающие способности бальмы куда чаще использовали для того, чтобы засылать механических подслушивающих шпионов в дома и замки противников. Сейчас, впрочем, любой охранный амулет заряжен на то, чтобы бальму чуют и орать, так что жучки и мышки из бальмы канули в прошлое. Их только шахтеры используют, чтобы

рудные жилы разведывать. Но намного дешевле бальма все-таки не стала, ибо сохранила свою главную функцию, ее напыляют на дорогие доспехи.

– Зачем? Чтобы в этих доспехах сквозь стены проходить?

– Какие глупости, – фыркнула Ева. – Никуда ты в таком доспехе не пройдешь, а если его из цельной бальмы сделать и выстрелом из пушки, скажем, тебя в стену вогнать, то доспех-то внутрь войдет, а вот ты останешься на стене – голым и размазанным. Напыление нужно, чтобы снижать урон от магических атак. Так что и сейчас, и много лет назад бальма – ценный ресурс. И вот в славном городе Шоане давным-давно существовала большая, дружная гильдия алхимиков, которая решила сделать великое подношение самому главному и важному божееству для любого алхимика: Злой Девке, богине судьбы и удачи. Потому что если Злая Девка смотрит на алхимика без симпатии, от этого алхимика слишком часто остается лишь кучка горелых тряпок и косточек. Ну, и лучшие зелья можно только при большой удаче изготавливать. Так что шоанские алхимики собрались прыгнуть выше головы: они договорились построить Злой Девке небольшое святилище из чистой бальмы внутри одной из шоанских гор. Несколько лет они копили бальму, собирая ежедневную дань со всех членов гильдии. Распорядился тогда казной и строительством некий Гагус Химмелюгер. Ага, я вижу, вы заинтересовались. Он не был главой гильдии, так, что-то вроде администратора по хозяйственной части. Накопили они гору бальмы, призвали металлургов, инженеров и ювелиров и таки создали свой Бальмовый Покой: из чистой бело-серебристой бальмы стены, потолок, алтарь, камины и прочая утварь. Но освятить алтарь, преподнести святилище в дар богине, не успели: в ночь перед церемонией Гагус воспользовался общей суматохой и успел каким-то хитрым образом переместить бальмовый покой неизвестно куда вглубь Шоанского хребта. Как он это сделал – я без понятия. В книге было написано, что при помощи некоего «недоброго чародейства». Все кончилось плохо для всех. Бальмовый покой так никто никогда и не нашел, а Гагуса смогли изловить коллеги по гильдии и долго выясняли у него где украденное. Выясняли они это с усердием и азартом. Среди гильдейцев было много неплохих магов и пыточных дел мастеров, так что, как написано в «Легендах»: «Гагус был обращен в ничтожество и разум полностью утратил, повторяя на все расспросы – неважно, подкрепляемые огненным внушением или нет, – «Я единственный ключ, я единственный ответ».

Ева умолкла и победно нас оглядела.

– Очуметь, – сказал я. – Это очень похоже на моего Гагуса. Только я не верю, что живого человека можно вот в такое превратить, каким бы мастером магических пыток ты не был.

Ева пожала плечами.

– Опять забыл, что ты живешь в выдуманном мире, малыш?

– В тысячный раз выношу протест, – сказал Лукась. – Ваши религиозные воззрения слишком разрушительны для моей нравственности и морали.

– Протест принимается, – привычно кивнула Ева.

– Мне кажется, – сказал Акимыч, – раз уж мы все равно собираемся бежать, то перед побегом неплохо бы провалиться в канализацию и напоследок пощупать этого вашего Гагуса за вымя. Сколько эта бальма сейчас на ауксе стоит?

– Примерно золотой за грамм, – сказала Ева, – правда, это без аукционных налогов. В Антии – сильно дороже, там со снегом напряженно.

– Ого, – сказал Акимыч, явно подсчитывая что-то при помощи уставленных в потолок глаз и загибающихся пальцев. Если этот ваш покой потянет хотя бы на тысячу килограммов – это же миллион! Сколько может весить комната целиком из бальмы?

– Без понятия, – сказала Ева, – но вообще бальма не самый тяжелый материал. Ты раньше времени-то не облизывайся, ее сперва найти надо. И почему-то мне не кажется, что это будет делом столь же простым и приятным, как прогулка по заднему дворику.

Меньше всего на свете я планировал снова в этот вечер лезть в канализацию, и уж точно не с восторгом предвкушения, но именно его я в этот момент, как ни странно, испытывал. Мне, как и Акимычу, тоже ужасно захотелось миллион. До того, как миллион сомнительно замерцал нам издали, я и не чувствовал, насколько на самом деле раздавлен грузом финансовых проблем, да еще и придавившим не только меня, но и всех моих друзей. И хотя я понятия не имел как мы будем ловить Гагуса, страшать Гагуса и вытягивать из Гагуса те секреты, которые он сумел не доверить даже лучшим палачам своей эпохи, я все равно ощущал настоящий охотничий азарт.

Лукася с Хохеном мы решили оставить дома, так как было совершенно непонятно как вытаскивать Хохена из люка – скобы его определенно не выдержат. Лукась совершенно не возражал против такого решения и пообещал, что зато успеет за это время «достойно экипироваться для продуманного побега». Хохон не возражал тем более. Мы старательно облачились во все самое драное и грязное, хотя я так и не решился снова надеть вещи из мешка – понятно, что новая одежда скоро будет выглядеть точно так же, но я просто не мог заставить себя прикоснуться к этим вонючим тряпкам. К счастью, далеко тащиться в этих обносках нужды не было. Ближайшая канализационная решетка имелась прямо перед отелем, и решетку эту, кажется, надежно вделанную в мостовую, Гус выворотил одним движением вместе с парой булыжников.

– Цемент старый, – снисходительно пояснил он в ответ на наши восхищенные взоры. – Песок уже, считай.

Мне доверили нести походный фонарь из дорожных запасов Лукася, остальные вытаскивали из инвентарей копья, посохи и шпаги. Наш маленький грозный отряд энергично шлепал по канализации, как будто мы имели хоть какое-то представление о том, куда нам надо идти.

– Мне кажется, – сказал я где-то через час, – что он нас сам найдет, если вырубить фонарь и тихо присесть, не гремя железом.

– Мне кажется, – еще через час сказала Ева, – что запах тухлой рыбы останется со мной навсегда. Где эта твоя гигантская сопля?!

Я снова зажег фонарь и, глядя сквозь его разгорающееся пламя на задумчивые лица друзей, попробовал размышлять.

– Вообще он был ранен, то есть, отравлен. Во всяком случае он чрезвычайно громко страдал. Может быть, у него здесь есть какое-то свое логово, в которое он забился и зализывает раны. Или еще как-нибудь восстанавливает здоровье. Физическое и душевное.

– Прекрасно, – сказала Ева, – то, что всегда хотелось: как следует пошляться темной ночью по канализации без схем и плана.

– Вообще днем тут не сильно светлее, – вступился я за виванскую канализацию. – Есть еще одна идея: когда мы с Гагусом расставались, он очень громко стонал и... э... столь же громко выпускал газы.

– Ага, – сказала Ева, – страдал метеоризмом.

– Голубков пускал! – хихикнул Акимыч.

Гус тоже сказал, что делал Гагус – простым и четким матросским языком.

– Ну, в общем, да, – сказал я. – Может быть, если мы дальше пойдем тихо-тихо, то мы сможем услышать его издали, если он все еще... страдает. И визжал он тоже громко.

Потом было бесконечное блуждание по тоннелям. Сперва я шел впереди, потом в фонаре совсем закончилось масло, и я потихоньку переместился в арьергард. Шел, пялился на подсвеченные зеленым, энергично работающие лопатки Гуса и думал не пойми о чем: мысленные образы сплетались и расплетались в такт ходьбе, я и сам не понимал, о чем я грежу на ходу и вообще, похоже, я отравился здешними миазмами до галлюцинаций. Мне мерещились лица,

выступающие из пятен плесени на мокрых стенах, я видел рощи, башни и яростные конницы, галопирующие быстрыми тенями по потолку, видения эти были окрашены далеким заревом костров и откликались тихими жалобными криками птиц.

– Так, стойте, – я замер. —Вы это слышите?

– Как будто скулит кто-то, – сказал Акимыч, – очень далеко.

– Или очень близко, но очень тихо, – сказала Ева. – Все замолкли и чтобы не шлохнуться!

В наступившей тишине раздался явственный горестный всхлип. Ева побрела вдоль стены, ощупывая ее ладонями, и вдруг провалилась сквозь то, что казалось продолжением каменной кладки, густо заросшей сизо-зеленым мхом.

Гагус вытянулся в чем-то типа особого бассейна, расположенного посреди круглого отстойника, где жижи было не по колено, как всюду, а чуть ли не по пояс. Мне. Я заметил как Гус, подхватив маленького Акимыча под мышки, усадил того на приступочку на стене, ну, а Ева просто взмыла над обстоятельствами на левитационной подушке и, подлетев к краю бассейна, опустилась на него. Хорошо быть воздушным магом.

– Уйди, дурацкая девчонка, – простонал Гагус и изверг из себя поток несимпатичной слизи. – И ты уйди, ядовитая тварь, и прочих вонючек с собой заберите.

– Это мы-то вонючки!?! – возмутился Акимыч с приступочки. – Хотя сейчас наверное да... они!

– Гагус Химмелюгер? – спросила Ева голосом, каким в кино говорят детективы, арестовывающие преступников.

– Нет. Давно уже нет.

– Мы пришли расспросить вас о Бальмовом Покое.

– Мириады вас, расспрашивающих. Вы тычете в меня железом и пробиваете молнией, вы травите меня тиграми и заливаете ядами, но все ваши хитрости бессильны перед старым бессмертным и неуязвимым Гагусом. Я единственный ключ, единственный ответ. – Взвыв, Гагус снова перешел на шипение. – Ох, больнусенько мне, больнусенько старому Гагусу. Отравило его проклятое драконье яйцо своей огненной кровью.

– Матка боска! – Ева развернулась ко мне, – точно! В тебе же драконья пиявка торчит! А ее кровь, значит, смешалась с твоей. Так что ты у нас почти дракон.

– Так не дракон же, а пиявка, – пробормотал я, отгоняя от себя мирно проплывающую мимо старую позеленевшую сосиску.

– А драконья пиявка – это и есть отвалившийся кусок дракона, который ни умереть, ни развиться не может, – сказала Ева. – С дракона, когда тот сильно болеет, много таких пиявок сыплется. Он кого успеет – того затопчет, но некоторым удастся удрать.

– Жжет, жжет, – простонал Гагус. – Жжет то, что не живот, а то, что совсем не живот, тоже очень жжет.

– Да, – сказала Ева. – У нашего нового знакомого -презанимательная анатомия. На обычный мясной организм не похожа, но эффект огня драконьей крови на него тоже действует.

– Сспаси меня, дурацкая девка. Может, старый Гагус и поговорит с тобой потом, когда его не будет так жечь и печь.

– Как же я тебя спасу? – пожала плечами Ева. – Нету реагента, снимающего эффект огня драконьей крови, нужно ждать, когда он сам нейтрализуется – месяц, другой.

– Дура! – взвизгнул Гагус, – есть такой реагент! Вспомни квадрат Нимтуса о противостоянии и средстве стихий!

– Не знаю я никаких квадратов, – нахмурилась Ева. – А драконью кровь не гасит ничто. Ни щелочи, ни кислоты, ни морские элементы...

– Утратили знания, тупые потомки, – в болезненных стогах Гагуса послышалась некоторая удовлетворенность. – Что не сгорает в драконьем пламени, что прочнее чешуи дракона?

– Не знаю, – растерялась Ева, – вера в добро и справедливость?

– Дура, алмазы! Дракон бессилен перед алмазом! Это же основы алхимии! Сила алмазов заставит сгореть драконью кровь. Немедленная нейтрализация! Дай мне алмаз, дура!

Мы стояли в канализации, утопая в гнусной жиже, и смотрели на гигантского, бьющегося в конвульсиях слизняка, требующего брильянтов.

– Прости дружище, не при брюликах я сегодня, – развел руками Акимыч.

– У меня сережка есть на харизму, с каким-то яхонтом. – сказал я, – Яхонт это случайно не алмаз?

Ева стояла, засунув руки в карманы старого плаща, и смотрела на Гагуса.

– Ладно, – сказала она, громко и несколько театрально вздохнув. После чего вытащила руки из карманов и расстегнула цепочку на шее. – Хороший был кулончик. Плюс к привлекательности и небольшой бонус к торговле. Эх, на, жри, гадость эдакая!

Она кинула кулон Гагусу, который с удивительной ловкостью прихватил его отростком и быстро пристроил куда-то внутрь своего пузырчатого тела. Мы все замерли и смотрели на Гагуса. Гагус тоже затих, видимо, прислушивался к своим ощущениям.

Потом раздался взрыв.

Меня с головой окунуло в липкую воду, а потом впечатало то ли в стену, то ли в потолок, так что на какое-то время я, кажется, совсем немножко потерял сознание. Пришел в себя я, когда Ева с явным удовольствием лупила меня по щекам. Рядом бултыхался Акимыч, придерживаемый за шиворот Гусом. К счастью, теряя сознание, я догадался плотно закрыть рот, иначе суждено бы мне было умереть на месте от совершенной, идеальной, безупречной формы отвращения. Кое-как встал на ноги и попытался утереться, но утереться было нечем, потому что все вокруг было мокрое, склизкое и бесконечно душистое.

– Вот уж нейтрализовало, так нейтрализовало, – сказал Акимыч, глядя на бассейн, в котором булькало то, что когда-то было магистром алхимии Гагусом Химмелюгером. – Плакал наш миллион.

Ева добралась до бассейна и сейчас тыкала посохом в его содержимое.

– Косточка, старый башмак, вставная челюсть, монокль, еще один мышинный скелет, так, а это у нас что?

Ева смело сунула руку в отвратительную массу, а потом в победном жесте вскинула кулак к потолку.

В неярком свете, льющемся из люка у нее над головой, блеснул массивный ключ белого металла.

Глава 4

Дома мы расселись за столом и принялись изучать добычу. Плотный белый, слегка светящийся металл был именно бальмой. По просьбе недоверчивого Акимыча Гус лихо пробил им обеденный стол, а когда ключ выдернули обратно, никакой дырки не было и в помине.

– С какой вероятностью мы можем предположить, что это ключ от того самого Бальмового Покоя? – спросил я.

– Полагаю, что со стопроцентной, – ответила Ева, – учитывая то, при каких обстоятельствах и у кого мы его получили.

– А жалко слизняку-то, – вздохнул Акимыч. – Жил себе, жил сотни лет, а потом бах – и помер.

– Это общая доля всех, имеющих дыхание в груди своей, – с важным видом сообщил Лукась.

– Первое, он не жил никаких сотен лет, Альтраум столько не существует, это ложные, внедренные воспоминания. Второе, он уже наверняка возродился каким-нибудь таосаньским младенцем с чубчиком и в передничке.

– А ты, Евик, умеешь поднять человеку настроение. Ну что, когда пойдем за нашим миллионом?

– Куда пойдем? – спросил я.

Ева сосредоточенно натирала ключ, возможно, ждала, что на нем проявятся какие-то письмена, жаждущие снабдить нас недостающей информацией.

– Может, в огонь его кинуть, как в том кино? – предложил Акимыч.

– В огонь не стоит. Бальма – легкоплавкий сплав.

– Неудивительно, учитывая, что у него в составе есть снег. – сказал я.

– Что мы знаем, – сказал Акимыч, раскачиваясь на стуле. – Покой – это комната размером, ну, наверное, с нашу столовую, да, Евик? Он запихнут куда-то внутрь одной из шоанских гор. Наверное, не так уж далеко от того места, где он был изначально. Мы знаем где это место, да, Евик? Не знаем? Жаль. Но можно пойти в тамошнюю гильдию алхимиков, порасспрашивать...

– Ага, – сказала Ева, —и посадить их к себе на хвост, а то мало там фиолетовых болтается. Клан «Зеленый Лист» объявляет гонки с ценным призом! Нет уж, пожалуйста, проше панов зарубить себе на носу, что всё это вопросы глубоко конфиденциальные, которые нельзя обсуждать ни с кем за пределами нашего маленького сообщества. Не писать никому исповедальных писем, да, Нимис? Не печатать объявления в газетах.

Акимыч с готовностью застегнул воображаемую молнию на рту, после чего тотчас широко распахнул его.

– Ты же говорила про этих жучков из бальмы, подслушивающих и всюду шныряющих, которые сквозь камень просачиваются. Давай закупим их целый мешок, приедем на Шоанский хребет и расшвыряем повсюду. Неужто не найдем заветной комнатки?

– Во-первых, мы разоримся на этих жучках, они дорогие. Одно дело – вдоль по золотой жиле их пускать, другое дело – сеять, как горох, куда ни попадя. Во-вторых, неужели ты думаешь, что шоанские алхимики всего этого уже не продельвали?

– Интересный парадокс, – заметил я, – если ничего из того, что описано в этой легенде, на самом деле не было, потому что это – фальсифицированная история, то в реальности этой комнаты никто никогда и никакими способами не искал.

– Несомненно, – ответила Ева, – но учти, что это история, сфальсифицированная умными людьми, а, стало быть, Бальмовый Покой находится в том месте, которое никак нельзя

было бы обнаружить теми средствами, которые непременно использовали бы тамошние алхимики, если бы последние существовали в реальности.

– Все это для меня слишком сложно, – помотал лохматой головой Акимыч. – Короче, я понял, мы в полете, без шансов.

– Вот он, шанс, – сказала Ева, крутя ключ пальцем по столу. – Я надеялась, что нам из него квест выпадет, но сюжетные пласты сплошь и рядом без квестов обходятся. В любом случае, если нужно отсюда уезжать, то теперь хотя бы не нужно ломать голову – куда. Бежать мы будем в Шоан, и, извини Нимис, но рыбы там нет.

– Что, вообще?

– Может, пара каких-нибудь луж с карасями. На сколько дней у тебя медицинские счета оплачены?

– На двадцать три дня.

– Мало, – вздохнула Ева. – Нам неделю только до Шоана добираться, порталов-то у вас ни у кого нет. И то, если попутный караван сразу встретим. Из Вивана нам с караваном выходить нельзя: фиолетовые первым делом порт и караван-сарай под наблюдение возьмут. Я бы на их месте так и сделала, а эта курва точно не глупее меня. По дороге будет время подумать и поэкспериментировать с ключом. Уходим следующей ночью, огородами, на большом шляхе нам поначалу светиться незачем. Сегодня в городе не мельтешим, увольнения оформляем по почте, переходим на осадное положение.

Мы согласились, что это похоже на самый настоящий план.

– Зона тут пятидесятого уровня, стало быть, к вам, мелким, зверье будет сбегаться пачками, – сказала Ева, вглядываясь в громаду темного леса.

– С нами Хохон, – откликнулся Акимыч, – а если с нами Хохон, то любые мишки делают реверанс и уползают задом в валежник.

– Прежде чем они уползут, они могут кого-то на фляки пустить.

– Что такое фляки? – спросил Акимыч.

– Вот встретишь медведя, у него и поинтересуешься.

Ева решительно перелезла через последнюю плетеную ограду и двинулась к лесу, опираясь на свой высокий посох. Мы последовали за ней.

– И все-таки хотелось бы узнать, что такое фляки.

– Суп из коровьего желудка, – кинула через плечо Ева.

– Буээ.

– И никакое не буээ, а очень вкусно. Вот приедешь в Варшаву – отведу тебя туда, где лучшие фляки подают, язык проглотишь.

– А вот если я возьму, да и на самом деле приеду?

Ева хмыкнула и нырнула во мрак чащи.

Я шел за Евой по невидимой в темноте тропинке и ровным счетом ни о чем не беспокоился. Подумаешь, медведи – с нами высококвалифицированный маг, а сзади слышен успокоительный ляг Хохена. А что темно, так скоро уже рассветет, мы выдвинулись под самое утро. Еще час-другой, и мы будем идти не по непроглядной темноте, а по красивому солнечному лесу. И наслаждаться пением птичек вместо этого неприятного воя непонятно где. Кажется, воют все-таки не слишком близко.

– Черт, – Ева остановилась так резко, что я на нее налетел, – Лбом треснулась. Понастали тут деревьев. Нимис, у тебя фонарь Лукася под рукой? Маслом его заправил?

– Заправил.

– Так зажги его. Честное слово, почему мне приходится все, как детям неразумным объяснять? Как надо проявить какую-нибудь дурную самостоятельность – это всегда с превеликим удовольствием, а как своей головой подумать, так нет...

Я решил, что Еве не очень полезно биться головой о деревья. Желтый дрожащий свет фонарика заскакал по густо сплетенным ветвям, замельтешил на листьях, осветил два больших красных глаза высоко на дереве.

– Что там?!

– Подними фонарь повыше.

Ева осмотрела обладателя глаз.

– Ничего страшного, это лямстер.

– Кто такой лямстер? – раздался сзади несколько нервный голос Лукася.

– Ничего особенного, – Ева снова устремилась по тропинке. – Они опасны только для одиноких путников. И то, только когда у них брачный период. Они прыгают тебе на плечи, вонзают жало в основание черепа и потом управляют тобой, как лошадью. Сами лямстеры жирны и неповоротливы, им тяжело преодолевать большие расстояния, поэтому им нужен кто-то, кто доставит их к половому партнеру, которого лямстер может учуять за много километров по запаху. Это самка, конечно. Самцы обычно обитают в болотном иле и принимают там своих невест.

– Как мило, – сказал я.

– Нужно было этой невесте по кумполу веслом дать, – подал голос обычно немногословный Гус, на которого явно произвели впечатление брачные обычаи лямстеров.

– Не стоит. В моменты смертельной опасности самки лямстеров разбрызгивают из окологанальных желез страшно токсичную жидкость. Нет, если тебе хочется поваляться день-другой под деревом в параличе с веслом в руках, то пожалуйста. Лично я отказываюсь принимать участие в этом аттракционе.

Шагов через десять Ева развернулась и выпустила в темноту десяток разноцветных молний. Послышался вскрик и звук падения чего-то тяжелого в траву.

– Вообще дрянь ужасная эти лямстеры, – сообщила нам Ева.

– А толку-то, оно через час воскреснет и будет снова восседать на этом сучке.

– Толку никакого, но все равно приятно.

– А как вам идея, – сказал Акимыч, – если найдем еще одну лямстершу, может, поставить прямо под нее Хохена, а самим укрыться по периметру. Представляете, она как прыгнет, как попытается засунуть ему жало в основание черепа...

– А мы такие из кустов – ага, попалась, глупая!

– Да не... А вдруг у нее бы получилось? Представляете, она бы своим жалом попала Хохену в мозг и запустила бы в нем какие-нибудь процессы жизнедеятельности.

– Я лично не уверен, – сказал я, – что под этим шлемом вообще есть какой-нибудь череп, который может содержать какой-нибудь мозг. Во всяком случае, в привычном понимании этих слов. Максимум там что-нибудь призрачное, нематериальное. Чистый дух.

Акимыч заспорил

– Настоятель говорил, что у него как раз духа не хватает, души то есть. А про мясо, кости и нервную систему он ничего не говорил.

– Он же не дышит!

– И что? Обязательно нужно дышать, чтобы быть живым? Вон рыба же не дышит.

– Еще как дышит, – возмутился я, – водой!

– Эээ, разве это называется «дышать», – Акимыч махнул рукой, и я понял, что прекрасно вижу и эту руку, и самого Акимыча, что солнце уже встало: так быстро и неожиданно, как оно умеет вставать только на юге.

Привал мы сделали на милейшей зеленой полянке, которая несколько потеряла в своей милости после того как мы расшвыряли по ней дрова, котелки и чайники. И потертые подушки для сидения, призванные предохранять седалище Лукася от земной тяги, что бы это ни значило. Горячий чай и куча бутербродов вскоре настроили всех на добродушный лад, и нервозность, вызванная необходимостью бежать, скрываться и таиться, уже казалась чем-то ненужным и надуманным.

– Кстати, – сказала Ева, покончив с сырno-медовым сэндвичем. – Знаешь, Нимис, как называется куст, под которым ты сидишь?

– Увы, но мы не были друг другу представлены.

– А, между прочим, это самый настоящий орешник. А в твоём арсенале боевой лесной ведьмы имеется такая загадочная вещь как «узелок ореховый».

– Это который вызывает белочек, чтобы они орешки шелкали?

– Какие такие орешки в июне? – спросил Акимыч, обирая крошки с воротника.

– Но проверить-то можно, – сказала Ева.

– Да пожалуйста, можно и проверить.

Я поднялся, стряхнул травинки с коленей, вытащил «ореховый узелок» на панель навыков и направил его в сторону куста. Привычно подивился тому, с какой легкостью неведомые силы завладели моим телом и отстраненно наблюдал, как руки плетут нечто чрезвычайно неопрятное и бугристое из тонких, но прочных прутиков. Поляна наполнилась стрекотанием. Трава зашелестела волнами, по которым неслись очень красивые рыже-красные белки, дюжина, не меньше. Куст между тем переживал фантастические трансформации: стремительно покрылся какими-то висюльками, которые на глазах превращались в увесистые связки орехов – сперва зеленых, потом белых, а потом насыщенно-коричневых. Белки, к тому времени рассеявшиеся на ветках в полной боевой готовности, кинулись набивать ими защечные мешки.

– Ой, какая прелесть! – совсем по-девчачьи взвизгнула Ева и направилась было к белочкам, но крикнула и схватилась за глаз, в который одна из белочек метко запустила орешком. Остальные белки тоже не теряли времени даром. Они с исключительной ловкостью и силой расходовали свой ореховый арсенал, осыпая нас градом мелких, но увесистых снарядов.

– И что теперь? – спросил Акимыч, лежащий на животе рядом со мной в дальних кустах и наблюдающий за тем, как злобные белки патрулируют нашу поляну.

– Я же зарекалась уже экспериментировать с твоими навыками!

– Обидно, – подал голос из других зарослей Лукась, – что орехи пропадают после использования белкой. Так-то можно было бы открыть небольшое, но выгодное торговое предприятие – при бесперебойной поставке бесплатных ресурсов.

С поляны раздался звон. Это белки обнаружили застывшего над нашими вещами Хохена и теперь самозабвенно вели бесперебойный его обстрел бесплатными ресурсами.

– Причем эти клятые белки неубиваемые, – простонала Ева, – я одну раз десять пыталась прожарить, реакция нулевая. Я теперь буду жить надеждой когда-нибудь встретить изобретателя твоего класса и надавать ему самых смачных в мире оплеух.

– Вообще это можно использовать, – сказал Акимыч. – Например, при обороне кланхолла. Очень эффективная может быть штука, если заранее высадить кусты в стратегически правильных местах. Латы орехами не пробьешь, а вот всяким магам тряпочным эти белочки могут много крови попортить.

Беличья артиллерия исчезла где-то через полчаса, и мы смогли вернуться на поляну, чтобы собрать остатки пикника, частично разбитого и раздавленного нами при поспешном отступлении. Расслаживаться было некогда, по плану Евы нам полагалось выйти из леса виван-

ского округа еще засветло и, в идеале, тут же пристроиться к одному из караванов, исправно доставлявших из Вивана в Шоан дары моря, заморские гостинцы и туристов, изрядно замученных и разоренных виванским отдыхом.

План Евы был выполнен на сто процентов. То ли Эллана-Лана теряла хватку, то ли у ее клана нашлись дела поважней, но никакой погони мы не обнаружили, а вполне лениво, спокойно и благополучно добрались до широкого и пыльного шоанского тракта, где под вечер нас догнал длинный караван из множества карет впереди и множества телег сзади, и за сто золотых с носа мы получили места в большой карете второго класса. Где, сидя на кожаных диванчиках, слегка задавленные кринолинами дам-неписей и заставленные плетеными бутылками, корзинками и саквояжами, мы могли беспрепятственно любоваться сквозь грязное окошко на бесплодные серые равнины, занимающие почти весь путь до Шоана. Обедать и ночевать мы останавливались у вполне приличных гостиниц, в некоторых из которых была даже горячая вода, так что на жизнь жаловаться не приходилось.

Кареты двигались неспешно, подстраиваясь под скорость телег, и Хохон, которого мы оставили на дороге для самостоятельной прогулки, всегда успевал добраться до места ночлега через час-другой после нашего прибытия. К концу шестого дня его латы были покрыты таким слоем присохшей пыли и грязи, что, казалось, он сделан не из металла, а из глины, наподобие тех големов, которыми в Альтрауме управляют классы каббалистов. Хохону, насколько я понимал, это было глубоко безразлично, а вот Лукась принимал внешний вид своего любимца близко к сердцу и даже попытался, обнаружив на одном из постоялых дворов водокачку, как-то отмыть нашего железного спутника, что ситуацию только ухудшило, так как уже через пять минут на мокрый доспех налипло тройное количество комковатой грязи.

Иногда я не прочь немного пошучать, но данное прекрасное путешествие полностью перекрыло мой лимит потребности в этом ощущении. Когда я поймал себя на мысли, что все-рез рассматриваю возможность придушить мою краснощекую пухлую визави, в третий раз за утро рассказывающую соседке о грудной жабе своего мужа, я почувствовал, что путешествие нужно немедленно заканчивать. Я понимал, что все это делается специально, игроков нужно стимулировать покупать порталные свитки, летающих маунтов и персональные скоростные яхты, но легче от этого понимания не становилось.

Я развлекался разглядыванием собственных ногтей, когда карета, дернувшись, замерла, и усатый кучер, заглянув к нам в окошко с крыши, попросил уважаемую публику выйти, так как мы стоим перед мостом через Шоанский каньон, каковой мост гужевому транспорту полагается пересекать порожняком для сохранения целостности его, моста, опор. Мост недлинный, всего шажочков пятьсот, заодно и подышите свежим воздухом, господи.

Свежий воздух летнего Шоана колот лицо тысячами мелких песчинок и погружал легкие в пыльное беспмятство, а висящее посреди неба злонравное солнышко в это время пыталось припечь твою маковку до солнечного удара. Деревянный и на вид не очень надежный, хотя и широкий мост был перекинут через страшную трещину в земле, трещину, дошедшую, казалось, до самых глубин ада, ибо по дну каньона, далеко внизу текла красно-серая лава, местами вспыхивавшая дымными струями. Поредевшие клубы дыма сплетались над каньоном в некое подобие покрывала, уносимого горячим ветром в сторону горизонта, на котором хаотичное скопление труб, башен и крыльев промышленных мельниц знаменовало наше скорое прибытие в самый технически развитой город Трансильвии.

– Шоан, – выдохнул рядом со мной Лукась. – Столица греха, разбоя и разврата!

Глава 5

Когда мы все так или иначе преодолели мост, куда более древний и величественный, чем хотелось бы, принимая во внимание технику безопасности, мы снова распределились по своим колесным коробкам, и всего за два часа впечатляющей тряски по булыжникам невесть откуда взявшейся мостовой, караван прибыл в Шоан. Точнее в одно из его преддверий – шумное, грязное и лязгающее всеми видами механических приспособлений, при помощи которых разгружаются товары и потом (после некоторых активных манипуляций, в основном связанных с огнем и железом) превращаются в нечто чуть более прибыльное. Из многочисленных труб валили клубы черного дыма, насквозь прокоптившего все дома и крыши.

Здесь остались телеги и малопочтенные пассажиры, в то время как кареты первого класса проследовали далее – к центру города и не столь шумным и дымным благам цивилизации.

Нам предстояло выбрать себе временное пристанище, для чего необходимо было как-то осмотреться на местности, сколь мало бы эта местность не располагала к осмотру. Периодически чихая и размазывая копоть по лицам, мы прошли вдоль целого ряда плавилен, мельниц, прессов и пыхающих паром клепанных штуковин совсем уж непонятного предназначения. После чего путь нам преградила огненная река, точнее, огненный ручей, или, если изволите, канава, обнесенная лишь бордюриком из кое-как скрепленных кирпичей.

Вдоль канавы были понатыканы маленькие, с дачный домик заводики, каждый из которых тянул к лаве трубу, подобную хоботку пчелы, готовящейся вкусить огненного нектара. Из труб заводов то и дело с пронзительным визгом вылетали струи пара. Насколько я понял, заводы эти сами по себе являлись чем-то типа паровых машин, основная же работа кипела во дворах, а то и прямо на мостовой. Шествуя по этому гигантскому цеху под открытым небом, все мы, кажется, впали в некую прострацию, оглушенные грохотом и свистками паровых котлов – даже лязга Хохена тут было почти не слышно.

– Интересно, – прокричал Лукась, – если засунуть его в лаву, ему это не повредит?

– Зачем?! – заорал я.

– Чтобы грязь выжечь!

– Радикальная чистка! Я бы не стал рисковать, пусть он зачарованный, да и вообще мистическая сущность!

Мы петляли между рулонов листового железа, штабелей каких-то бугристых слитков и холмов дымящегося шлака. Ева топала впереди с таким видом, как будто бы знала куда идти – что же, может, и знала, она, кажется, раньше бывала в Шоане.

«Из вашего кошелька украдено 17 серебра»

«Из вашего кошелька украдено 6 серебра»

«Из вашего кошелька украдено 8 серебра и 11 меди»

Что же это такое?! Я закурился по сторонам, пытаюсь высмотреть подлого воришку, и тут поймал на себе тяжелый внимательный взгляд. Во дворе небольшой механической мастерской напротив, в окружении бородатых коротышек, одетых в кожаные фартуки и огнеупорные комбинезоны, стоял Сиборн и без всякой радости меня рассматривал.

Сердце у меня, похоже, упало вниз, стукнувшись о селезенку, а душу наполнили обида, злость и отчаяние. Стоило бежать куда-то за тысячу верст, если, считай, первым лицом, которого ты тут встретишь, будет казначей клана «Глубоко фиолетово».

Сиборн что-то сказал очень замызганному механику, выслушал ответ, с достоинством кивнул и направился ко мне.

– Смотрите, кого собака принесла, – пробурчала сквозь зубы Ева.

– Думаю, нам есть о чем поговорить, – сказал Сиборн, с неприязнью оглядев нашу компанию.

Из мастерской слышалось уханье парового молота, а также звуки, которые издает железо, имеющее с этим молотом дело.

Сиборн поморщился.

– Но тут слишком шумно. Прошу вас, следуйте за мной и не делайте глупостей. Под глупостями я подразумеваю, например, попытки прожечь меня молниями или проткнуть мне спину вот этой зубочисткой, – он кивнул на шпагу, невесть откуда взявшуюся в руке Акимыча. – Сбегать от меня тоже не надо, это совершенно не в ваших интересах.

Мы послушно поплелись за ним, даже Ева куда-то задевала свой обычный задиристый вид. Ничего удивительного, у Евы какой-то пунктик в отношении этого престарелого щеголя. Возможно, у нее в жизни не хватало значимой фигуры отца. Мне так он вообще не нравился с самого начала. Может, Сиборн и спас нас при крушении замка, но не факт что мы бы без него тоже не сбежали. И вообще – не доверял я казначею. Прямо видно как он выделяется, показывая какой он умный и великодушный.

Через пару поворотов Сиборн зашел в гнусного вида трактир, где лакеи-неписи, кланяясь ему, ко всем прочим отнеслись без всякого уважения, один так просто толкнул меня, показывая дорогу к столику.

Возникла небольшая заминка, вызванная тем, что Хохон застыл прямо на входе и не желал двигаться ни туда и ни сюда, пока Гус с Лукасем кое-как с кряхтением не задвинули его к вешалкам для одежды. С Хохонем такое сплошь и рядом случается и всегда в самый неподходящий момент. Засыпанную крошками и залитую пивом скатерть нам поменяли, просто перевернув ее той стороной, где пиво уже почти высохло. Мне показалось, что этот трактир – не уровень Сиборна, но тот и бровью не повел, как будто обедать в подобных рыгаловках для него привычное дело.

– Поскольку мы находимся в состоянии объявленной войны – угощать я вас не предлагаю. – Мы бы и не согласились, – сказал я.

– И очень правильно. Соблюдение формальностей – важная составляющая дисциплины. Следуя им, мы избавляем себя от множества ненужных телодвижений.

Сиборн заказал себе пиво, и мы тоже все заказали пиво, хотя вообще-то очень хотелось жрать. Когда запотевшие жбаны были водружены на стол, и золотой напиток запенился в стеклянных кружках, Сиборн вздохнул и оглядел нас взглядом, которым на меня изредка смотрели заходившие в больницу учителя, которые выясняли, что я не выучил ничего из заданного, потому что был в реанимации.

– Давайте сразу расставим точки над«і». Я здесь один и не собираюсь сию секунду сообщать своему клану о нашей встрече, хотя это и будет некоторым отступлением от моих моральных принципов.

– А что вы здесь вообще делаете? – спросила Ева.

– Разглашение подобной информации могло бы быть приравнено к передаче сведений стороне противника.

– Ну, извините. Я это просто из вежливости спросила, для поддержания разговора.

– Но вообще это не является секретом, в открытой части нашего форума мы рассказываем о том, что создаем свой корабль. Сюда я прибыл за паровым двигателем.

– А разве в Альтрауме есть пароходы? – удивился я. – Никогда не видел, только парусные суда.

Сиборн кивнул.

– Однако у многих из этих красавцев-фрегатов и каравелл имеются небольшие двигатели, управляющие маленькими гребными лопастями под килем, этих лопастей обычно не видно. Дают небольшой бонус к ходу и маневренности. Небольшой, но важный при определенных обстоятельствах.

Мне были совершенно безразличны цели, с которыми Сиборн приехал в Шоан, хотя мысль о том, что все фиолетовые могут погрузиться на корабль и уплыть к едрене фене на веки-вечные, показалась в целом симпатичной.

– Я должен сказать, что лично меня как человека и как члена клана расстраивает вся эта история с войной. И прежде всего – непонятная зацикленность нашего клан-лидера на ваших персонах. Конечно, вы принесли нам довольно много ущерба, но усилия, которые мы тратим на охоту за вами, тоже приносят ощутимый ущерб, кхм. В том числе и репутационный.

– С чего бы это? – спросил я. – О наших с вами приключениях вроде еще не пишут в газетах.

Сиборн попробовал пиво, слегка поморщился и отодвинул кружку.

– Само наличие у нас войны с кланом, который занимает двухсоттысячную или вроде того строчку в имперском рейтинге – это повод, не скажу для насмешек, но для удивленно поднятой брови точно. И в целом у клана сейчас есть гораздо более важные дела, на которых неплохо было бы сосредоточиться. Поэтому я прикладываю усилия к тому, чтобы убедить Лану в том, что вы всего лишь жалкая горстка неудачников, волей случая оказавшаяся у нас на пути и, по большому счету, не стоящая того внимания, которое мы вам уделяем.

– Спасибо, – сказала Ева.

– К сожалению, вы зачем-то прислали ей оскорбительное письмо, после которого она просто рвет и мечет.

Я оторопел.

– Но это письмо вовсе не было оскорбительным! Я в нем просил прощения, говорил, что мы не специально и предлагал кончить дело миром!

– Да, я читал его. Но, Нимис, наверное, нужно провести хотя бы день в вашем обществе, чтобы понять всю степень вашего простодушия. Лана же восприняла это письмо как изощренную издевку, и поверьте, она – последний человек, который готов прощать оскорбления.

– И что теперь делать? – спросила Ева.

– Я не могу давать гарантий и даже не готов взять на себя роль прямого переговорщика, но полагаю, что попытаться пробить лед вы могли бы, показав искренность своих намерений и предложив хотя бы минимальную компенсацию за все то, извините, свинство, которое вы учинили.

– И о какой сумме может идти речь? Хотя бы теоретически?

– «Хотя бы теоретически» начать можно с минимума, тысяч с двухсот. И при благоприятном течении событий эта сумма может оказаться и финальной.

Акимыч фыркнул в пиво, забил пеной нос и закашлялся.

– Мы и близко не располагаем подобными финансами, – сказала Ева.

– Тогда я бы на вашем месте приложил все силы к тому, чтобы начать ими располагать как можно скорее.

– Но как?! – возмутился я. – Как мы можем что-то зарабатывать, если вы гоняетесь за нами по всему континенту, не давая нам дышать?

– Можете считать это мерами стимулирующего воздействия. В любом случае не в моей власти остановить эту погоню. Я лишь выразил свое, еще раз подчеркну, свое мнение о том, как мы могли бы выйти из этой равно неприятной для всех ситуации. Вы надолго прибыли в Шоан?

– Ага, так мы вам и сказали, – огрызнулся Акимыч, только что закончивший кашлять.

– Вы же понимаете, что я не имею права сохранить нашу встречу в тайне. Но я могу дать вам фору. Двигатель я планирую получить через дня два-три и еще дней пять мне потребуется на транспортировку его к верфи. Но после этого срока я встречу с Элланой и, разумеется, сообщу о том, где вы. И хотя Шоан большой город, в котором легко затеряться, но у Ланочки есть умение получать нужные ей сведения.

– Через неделю нас в Шоане не будет, – твердо сказала Ева. – Мы тут проездом.

Тут от дверей раздался грохот. Это Хохон решил повернуться и снес вешалки вкуче с висевшим на них барахлом.

Лукась и Гус отправились поднимать, прибивать, наводить порядок и снимать с Хохена застрявшие на его шипастых наплечниках кацавейки, так как лакеи явно не горели желанием подходить слишком близко к рыцарю. Сиборн посмотрел им вслед.

– У вашего клана – удивительные взаимоотношения с неписями, обычно никому и в голову не приходит принимать их в состав.

– Просто мы не расисты и не ксенофобы, – сказала Ева с такой убежденностью, что мы с Акимычем на нее удивленно посмотрели.

– Я-то всегда считал, хоть это и не является распространенным мнением, что в таком подходе есть здоровое зерно. Искины Альтраума в своем роде – совершенство. Вы знаете, как их создают? Lesto сделала ставку на их самостоятельное развитие. Любой искин тут начинается с минимальной программы. Ему дается примитивный стартовый сценарий, а дальше он прогрессирует практически без вмешательства. В искинах базово заложены такие понятия как желательный эффект и нежелательный эффект. Причем нежелательных следует максимально избегать. Недостаток пищи, неподходящая температура, получение ущерба – это условно нежелательные эффекты. И, наоборот, еда – чем выше рангом, тем лучше, уважительное отношение окружающих, отсутствие физического ущерба и тому подобное – это желательные эффекты, к которым нужно всеми силами стремиться. Начинают все птичками и черепашками, обычными мобами, потом развившегося искина переводят в иные статусы, обычно частично удаляя память, но сохраняя наработанные алгоритмы и внося в них минимальные коррективы. В результате здешний полноценный непись – это чрезвычайно сложное существо с обширным багажом программ поведения.

– Погодите, – заволновался я, – получается, тут любой моб может стать неписью?

Ева кинула на меня внимательный взгляд.

– Не всякий, – возразил Сиборн. – Только, так сказать, талантливый. Кроме того у многих мобов программы дальнейшего развития отключены – это все боссы, рарные мобы, мобы квестовые и тому подобное. Согласитесь, было бы жестоко и бессмысленно давать возможность появления самосознания какой-нибудь Пухлинской ведьме, которую игроки убивают раз по двести в день.

– А откуда вы все это знаете? – спросил Акимыч.

– Вообще это не закрытая информация. Лично я получил ее из обширной статьи в New York Times, в которой обсуждались перспективы развития искинов вообще и наработки Lesto именовались «впечатляющими» и «многообещающими». Lesto как всегда никаких комментариев не давала, но, похоже, парень, писавший статью, знал о чем он говорит. Там же он сокрушался, что большинство игроков Альтраума относятся к неписям с пренебрежением, вступая с ними лишь в самые примитивные, диктуемые игрой контакты и таким образом отказываясь участвовать в деле развития искусственного интеллекта в целом.

Лукась и Гус вернулись к столу, причем Лукась не замедлил выразить обществу свое мнение о полной непригодности этого дылды к правильной починке вешалок.

– Просто нужно делать, как я говорю, – завершил свой спич Лукась и плюхнулся на скамью.

– Что же, – сказал Сиборн, – думаю, мы с вами прояснили все существенные моменты. Полагаю, наше дальнейшее совместное времяпрепровождение уже будет выглядеть несколько неестественно при имеющихся исходных.

Он звякнул монетами о стол и поднялся.

– А как там Базиль? Который воин света?

– На днях должен выйти из тюрьмы, – холодно ответил Сиборн. – И вот именно с ним я бы никому из вас встречаться не посоветовал.

– Кошмарный тип, – выдохнул Акимыч, когда величественная фигура Сиборна скрылась в дверях. – Говорит, как шилом в мозг тычет.

– Лично мне, – сказал Лукась, – он почти понравился. И понравился бы еще больше, если бы не произносил всяких жутких слов типа «двести тысяч».

– И все-таки «двести тысяч» – это уже черта, от которой можно отталкиваться, – сказала Ева. – Уже какая-то почва для переговоров. Где двести – там и сто. А сто тысяч – это уже что-то, хотя бы мало-мальски представимое.

– Или наоборот, – добавил я. – где двести, там и триста.

Теперь пришел черед Лукася кашлять и требовать, чтобы его постучали по спине. К сожалению, первым на это предложение поспешил отреагировать Гус и хлопнул портье по спине с такой силой, что на некоторое время возникло впечатление: в наших дружных рядах случился вечный раскол. Но в конце концов нам удалось убедить Лукася, что Гус это не со зла, что он от всей души хотел помочь и просто не рассчитал мощи своей длани.

Гостиница, в которой мы остановились только потому, что могли позволить себе ее расценки, именовалась «Сон Литейщика». По всему выходило, что сон уважающего себя литейщика должен включать в себя такие важные элементы как тощие матрасы, проваливающиеся сквозь железные решетки скрипучих кроватей, а также подушки толщиной в блин, визг пил за окнами и некоторое количество то ли клопов, то ли блох, которые заставляют тебя всю ночь просыпаться, всхлипывать и чесаться под колючим одеялом. Пожалуй, я не впервые пожалел о том, что мир Альтраума так глубоко продуман и реалистичен, но именно клопы меня почему-то особо расстроили. И даже мысль о том, что любой из этих многоногих кровопийц может постепенно развиваться в высокоинтеллектуальную личность и в один прекрасный день стать каким-нибудь местным Эйнштейном, меня совершенно не утешила. Утром мы все – помятые, невыспавшиеся, с цепочками красных расчесов на руках и шеех – встретились за скудным завтраком, чтобы как следует обсудить наши радужные перспективы в деле завоевания мира.

ГЛАВА 6

– Выглядит, как будто тут гора еды, а есть нечего. – сказал Акимыч, разгребая деревянной ложкой содержимое огромного блюда, стоявшего посреди стола. – Вот что это за белая мерзость?

Как раз в этот момент к столу с большим черным караваем под мышкой приблизилась дебелая подавальщица с лицом настолько недовольным, насколько недовольство может быть выражено физиономией, имеющей форму идеального круга.

– Ишь, барин какой выискался! – взвизгнула она так пронзительно, что стало понятно – этому визгу она научилась у пил за окном, ну, либо же пилы у нее. – Это же чистый свинячий жир и наилучшие вчерашние потроха, и кровяная колбаса, которая еще неделю назад бегала! А кому не нравится, тем милости просим скатертью дорога!

Швырнув каравай на стол так, что часть наилучших вчерашних потрохов попыталась удрать, вывалившись из блюда, воинственная матрона удалась, напоследок презрительно фыркнув.

– Хорошо, – сказала Ева, рассматривающая какие-то бумажки. Она, не глядя, подцепила со стола откатившуюся почку, машинально откусила от нее, после чего, скривившись, отложила почку на тарелку. – Я тут набросала список наших дел...

– Кто бы сомневался, – сказал Акимыч, отрезая ломоть каравая. – Уж что-что, а при списке мы всегда будем. Нет, Евик, ты продолжай, продолжай, это я в порядке восхищения.

– Первое, что нам нужно сделать, это достать карты. Плохие карты Шоанского хребта.

– Почему непременно плохие?– спросил я.

– Потому, что хорошая подробная карта той местности будет стоить целое состояние. Нам же достаточно самых примитивных, с условным изображением гор, основных шахт и тому подобное. Их хватит, чтобы активировать твою карту сокровищ. Ты ведь ее не потерял, надеюсь?

– Я думал, что мы собираемся искать Бальмовый Покой.

– А мы и будем его искать, просто ненавязчиво, между делом.– Ева извлекла из инвентаря ключ и положила его на стол. – Вот над этим я весь путь ломала голову и обшарила все форумы – безрезультатно. Понятно, что он должен помочь нам найти святилище, но я еще не имею представления – как именно он должен нам помочь. Поэтому мы попробуем добраться до твоего клада. Не думаю, что нам это удастся, но, по крайней мере, у нас будет какая-то организующая цель в Шоанских горах. Все эти клады обычно находятся в какой-нибудь самой глухой кишке самого заброшенного подземелья и, пока мы будем пытаться пробиться к ним сквозь толпы мобов уровня стопятьдесят плюс, у этого ключика будет масса возможностей проявить себя.

– Думаешь, он засветится или засвищет, или начнет по воздуху летать, если почует, что его замочек рядом?

– Я же уже объяснила, что знаю не больше, чем вы, но если игра вручила нам эту штуку, то она наверняка намекнет нам, что с нею делать. В Альтрауме, я, знаете ли, фаталист.

– Меня больше интересует, как мы собираемся сражаться с монстрами таких уровней, – сказал я.

Ева пожала плечами.

Я пораскидывала списки наших навыков, но никаких осмысленных комбинаций из них не получилось. Тридцать первый и тридцать шестой уровни – это катастрофа. Плюс два непися, которым нельзя давать сдохнуть.

Я оглянулся на наших искусственно-интеллектуальных спутников, но они к разговору не прислушивались – Лукась читал уже потихоньку теряющий буквы, замызганный «Голос Шоана», а Гус увлеченно наяривал свинячий жир с потрохами и был целиком сконцентрирован на этом занятии.

– Даже начинаю жалеть, что вкладывалась в воздушную стихию – с твоим сглазом лед мог бы неплохо сработать: устраиваем на боевом поле гололедицу и ждем, пока противники сами переломают себе конечности.

– Да мой сглаз часто вообще никак не работает.

– Удача, она такая – непредсказуемая. В общем, ориентироваться и пробовать тактики будем уже на месте. Кроме карт нам потребуется еще кое-какое снаряжение, список я составила. Так что по-любому первым делом на аукцион, покупаем пять карт...

– Зачем пять? Чтобы у каждого своя была? А нельзя просто купить одну и всем по очереди ее выучить?

– Если бы было можно, картографы Альтраума разорились бы. Снять информацию с карты на свою панель можно только один раз, потом карта либо исчезает, если она высокоуровневая, либо становится обычной бумажной картой, которую не очень-то порассматриваешь на бегу, в темноте или плывя вниз головой по подземной реке в компании каких-нибудь пещерных саблезубых крокодилов.

Шоан был совершенно не похож ни на Ноблис, ни на Мантис, ни, тем более, на Виван. Даже когда мы покинули промышленные кварталы, улицы не стали чище, тише или безопаснее. Злодейские рожи местных неписей удачно гармонировали с нецензурными воплями игроков,

причем бродившие по улицам патрули в помятых кирасах никак не реагировали на столь явное нарушение общественного порядка. Вдоль стен валялся мусор, из окон выплескивали помои, при этом из соседнего же окна тебя вполне могла зазывать гологрудая красавица, причем зазывали клиентов здешние барышни такими специфическими и недвусмысленными выражениями, что когда мы подошли к аукциону, Лукася вполне можно было выставить на ярмарке диковин как самого красного человека в мире.

– Не понимаю, кто тут может хотеть играть и жить, – сказал я, обходя по дуге двух вусмерть пьяных дерущихся игроков, которые уже валялись на мостовой, но все еще пытались мутузить друг друга ногами.

– Все, кто любят свободу, Ну, и еще деньги.

– Это – свобода? – кинул я в сторону дерущихся, чьи лица напоминали какие-то кошмарные кровавые блины.

– Безусловно, это восхитительная свобода для людей, которые вынуждены в реальности держать свои инстинкты в узде и соблюдать тысячи законов, инструкций, правил и установлений.

Один из драчунов кое-как поднялся на ноги, добрал до ближайшей стены и шумом принялся на нее мочиться.

– Альтраум, – наставительно сказала Ева, – создан так, чтобы давать каждому то, чего ему не достает.

– Этому господину, – возмущенно сказал Лукась, – явно не хватает хорошей порки.

– Да-да, – подхватила Ева, – беда порядка в том, что он всегда приходит с плетями и клетками.

– Не всегда, – возмутился я – в нормальных приличных странах обходятся без плетей.

– Зато в клетках приходится сидеть очень долго. Но вообще в Шоане есть и приличные районы, только жить в них очень дорого. Кузнецы, оружейники, плавильщики, инженеры всех мастей – если хочешь добиться успеха в любом из этих ремесел, тебе придется как следует поторчать в Шоане, здесь лучшие мастера, учителя и гильдии, основные квесты, ну, и поставки относительно дешевого металла из шахт, а также бесплатная энергия от лавы.

Вода в Шоане все-таки была, но лучше бы ее не было. Вход в ближайший аукцион располагался со стороны набережной, которая обрамляла столь зловонную и грязную речку, что на память живо приходила виванская канализация.

– Прежде всего нам нужны две относительно пристойные сумки для Акимыча. Твоих двенадцатислотовых мешков ни на что не хватит. Нимис, ты говорил, что у тебя на почте деньги еще валяются?

– Да, я перекинул две тысячи золота.

– Это хорошо, потому, что клановая касса у меня почти на нуле.

– А зачем мне большие сумки? – удивился Акимыч, – у меня вещей-то почти нет.

– Потому, что кто-то должен бегать в город и приносить сюда то, что мы добудем в горах.

А ты на своем курьерстве получил вполне приличные показатели скорости и бега.

– У тебя же они все равно куда выше.

– Так то у меня. Как основная боевая сила я должна как следует отдыхать в перерывах между сражениями.

– Да, маги просто надрываются, пуляясь молниями.

– Мы устаем морально!

– А далеко бегать-то?

– От северных ворот до ближайшей шахты километров пятнадцать будет. Новую лошадь с телегой я сейчас позволить себе не могу, а какой-нибудь вялоногий осел передвигаться будет раза в три медленней тебя. Уж не говоря о том, что он будет лучшей приманкой для любого грабителя. Можно еще на возок табличку будет повесить «Грабитель – это сюда».

– А меня одного, значит, грабить не будут?

– А ты мелкий, шустрый и выглядишь так, словно с тебя нечего взять кроме пары дырявых балеток.

Акимыч посмотрел на свои парусиновые туфли и печально пошевелил грязным большим пальцем, торчавшим из одной из них.

– Позвольте, а где сир Хохон? – вдруг подал голос Лукась, – Он же только что шел за нами, куда он делся?

Хохена мы отыскали за поворотом. Он замер перед низкой и широкой подводой, на которой домиком были закреплены огромные листы блестящего металла.

– Сир Хохон, мы тут! – замахал руками Лукась, – Извольте сюда!

– Погоди-ка, – Ева ухватила Лукася за руку. – Вырвите мои глаза, он же на себя смотрит!

– Ага, любитесь на себя, как девка перед танцуйками. – хмыкнул Гус.

– А по-моему, – сказал я, – он просто случайно так удачно встал. Затормозил, как обычно, до нас не так уж и далеко было.

– А если нет? – спросила Ева. – Способность опознавать себя в зеркале – это важный этап в развитии маленьких детей, и, кажется, некоторых животных. Умных животных, конечно.

Я подумал, что Хохон вряд ли тянет на звание умного животного, и в этот миг подвода, загремев, тронулась дальше, а Хохон так и остался стоять неподвижно.

– Вот видите! Ни на что он не смотрел, а заклинился по своему обыкновению.

У него поза изменилась, – сказала Ева. – Он сейчас выглядит каким-то потерянным.

Это из-за грязи.

– Мне на утреннее умывание принесли всего один жалкий кувшин воды! – возмутился Лукась, – Что я мог сделать с одним кувшином против такой грязи?

– С водой в Шоане напряженка, да, – сказала Ева. – Ее добывают из скважин, она тут дорогая, а местной речной даже для технических нужд не всегда можно пользоваться.

– Неудивительно, – сказал я, сморщив нос. – Лучший способ блюсти гигиену – это держаться от этой воды подальше.

Мы вернулись к аукциону, и в этот раз Хохон без каких-либо задержек последовал за нами.

Ева, сверяясь со списком, кажется, скопила половину аукциона. Мы рассовывали по сумкам веревки, фонари, фляги, упаковки дорожных галет, флакончики для зелий и алхимические расходники.

Кое-что в походной лаборатории не сделаешь. Придется все-таки навестить местную алхимическую гильдию и арендовать у них стол на пару часиков. И нет, не надейтесь, никого и ни о чем я там расспрашивать не буду. Равно как и выискивать тайные знаки на портретах бывших магистров. Ну... разве что одним глазком. А сейчас предлагаю выпить чаю и съесть все же нормальный завтрак.

Мы устроились в таверне, как две капли воды напоминавшей вчерашнюю, даже такое же пыльное рванье свисало в том же месте с крючков, видимо, это был популярный местный стиль. Оглядевшись по сторонам и не увидев слишком близко сидящих к нам посетителей, Ева попросила у меня карту сокровищ и стала внимательно сверять ее с картами Шоанского хребта.

– Посмотрите, вот тут похоже?

– Непохоже, – сказал Акимыч, – сама что ли не видишь: вот тут дырка, петля и загогулина, а здесь – две загогулины и ни одной дырки. Эх ты, деревня, дай сюда бумажки.

– По-моему, с этой картой никогда ничего не найдешь, – вздохнул я. – Посмотрите, вот это гора? Если это гора, а у нас тут крест почти с нее размером, то там сто лет можно искать сундук с сокровищами. Ну, или сундук должен быть размером с гору, но в таком случае этот сундук давно нашли бы и без нас.

– Карты сокровищ меняют масштаб по мере приближения к конечной точке маршрута, – пояснила Ева. Чем ближе мы будем к искомой цели, тем точнее будет становиться карта. Нам сейчас важно определить область поисков.

– Да вот же оно! – Акимыч испустил победное кудахтанье. – Смотрите, здесь три сопли ползут друг к другу и две остренькие шляпки снизу. И здесь: вот сопли, вот шляпки, один в один.

– Тут какая-то темная область, которой на втором рисунке нет.

– Ааа, на это не смотри, это я кофе капнул.

Даже в разгар лета Шоанская равнина, освещаемая первыми лучами солнца, приветствовала путников весьма неприятным холодом. Только я со своими семидесятью с лишним рзиста мог позволить себе идти в одной рубашке, остальные кутались в платки и кофты. Ближние горы были не столь уж высоки, а следующие за ними громады основного хребта терялись в тумане, но все равно зрелище было впечатляющим и одновременно безрадостным. Бреди мы тут одни – получилось бы прекрасная нейроиллюстрация к дантовскому Аду, но дорога от северных ворот к предгорьям хребта даже в столь ранний час была уж слишком оживлена для адского пути. В город ползли длинные подводы с наваленной на них рудой, обратно транспорт шел порожняком, если не считать бригад совсем нежизнерадостных шахтеров, угрюмо сидящих по краям некоторых подвод, как нахохленные воробьи.

– Эй, посторонись! Очистить путь!

Стражник на коротконогой мохнатой кобыле алебардой указал только что обогнавшей нас подводе, что той надо съехать на обочину, велел посторониться и нам. Мы сошли с дороги и встали, так как идти по серому рыхлому песку было тяжеловато. Звякая цепями, мимо прошла колонна из нескольких десятков скованных попарно людей – по большей части игроков.

– Каторжников гонят. На рудник Громкого беса, – со знанием дела сказал ломовой извозчик, опустивший поводья и закуривающий трубку.

– А почему громкого?

– А потому, что он часто громко делает «Бум!», – хохотнул извозчик. – Загазованный рудник сильно. Попрыгунчикам-то что – воскреснут на каторжном кладбище, да и руки-ноги у них отрастают. А настоящим людям там – пиши пропало. У меня брат троюродный по дурной дорожке пошел, к Бесу его законопатили, а аккуратно на зимние праздники жене и вернули: без рук, да без ног: живи баба, радуйся! А она-то, чай, храм не грабила, священных сосудов не пропивала, ей за что такое наказание?

– Но хорошие лекари неписям, то есть, настоящим людям, тоже, кажется, могут конечности возвращать, – сказал я, глядя вслед спотыкающимся и путающимся в кандалах фигурам. Стражники подгоняли их, заставляя переходить на трусцу.

– Да будь у нее такие деньги, какие тем лекарям нужно платить, разве она бы за моего непутевого брата вышла? Ездил бы сейчас на карете в шелках и бархате, да какого-нибудь маркиза себе захомутала.

Я не нашелся что ответить, и возникший было разговор затих, подвода тронулась и скоро нас обогнала.

С тракта мы свернули часа через три после выхода из города. Идти, впрочем, было легко, так как почва была уже каменистая. То и дело скальная порода раздвигалась, открывая вход в очередную пещеру или шахту. Сверху струились многочисленные тропинки, порой можно было слышать звяканье далекой кирки. Похоже, Шоанский хребет был весьма заселенным местом, во всяком случае, вблизи от города. Где-то через час Ева, посоветовавшись с Акимычем, ткнула пальцем вверх, в сторону очередной норы, вход в которую находился где-то на

высоте пятого этажа. Я тоже подошел взглянуть на карту сокровищ. Она здорово изменилась, пергамент посветлел, оброс множеством непонятных мне деталей, а к сильно уменьшившемуся кресту теперь вела прерывистая, извивающаяся красная линия.

– С этой стороны не поднимаемся, – сказал Акимыч. – Подождите, я за тот выступ сбегая, посмотрю, может, там подъем будет легче. Потом просто съедем немножко вниз и все. Вниз спускаться всегда намного быстрее, чем вверх ползти.

– Бесспорно, – ответил я. – Иногда получается даже слишком быстро.

Но все прошло без сучка без задоринки. Акимыч обнаружил узенькую тропку, по которой мы, пусть с пыhtением и оскальзыванием, смогли забраться на карниз, нависающий как раз над нужным нам входом. Гус сперва аккуратно спустил каждого из нас на веревке с четырехметровой высоты на площадку перед пещерой а потом весьма ловко полуслез-полуспрыгнул сам. Из пещеры на нас смотрела темнота, пахнувшая мхом и неизвестностью.

Глава 7

Мы немного полюбовались на Хохена, оставшегося внизу, и решили, что он сам разберется с проблемой. После чего нырнули в гостеприимно распахнутую пасть скалы. Короткий проход привел нас, судя по ощущениям, в большую пещеру, рассмотреть которую я не мог, потому, что было темно.

– Зажечь фонарь?

– Не надо, – Ева звякала чем-то в инвентаре. – Фонари побережем для полного мрака. Ага, вот они!

Мне в руку скользнуло что-то маленькое круглое и холодное.

– Зелье ночного зрения, работает хуже, чем аналогичные заклинания, зато ингредиенты простые и в походной лаборатории можно сделать. На глубокий мрак его конечно не хватит, но совсем темных пещер в Шоане мало, обязательно какие-нибудь грибы, гнилушки или мхи буду фосфоресцировать. Выпивайте прямо сейчас, часа на четыре хватит, а запас у меня приличный.

Я выпил густой глоток с металлическим привкусом и схватился за глаза. Было не то, чтобы больно, скорее, возникло ощущение, что глаза сами по себе вытянулись вперед на стебельках, как у улитки. Зато сразу стало видно много чего. Поблескивающие складчатые каменные стены, под ногами – черный песок, из которого тут и там торчали маленькие косточки неизвестных существ. А еще стало видно трех огромных мокриц, застывших в угрожающих позах шагах в двадцати от нас. У мокриц были головы, похожие на конские, если бы кони были покрыты панцирем и обладали впечатляющими жвалами.

Я попятился.

– Худший вариант, – сказала Ева. – Кобольды, пауки, призраки, да хотя бы те же тролли, неприятно, конечно, но все-таки с ними можно иметь дело. Но нам, разумеется, достаются альвы.

– Разве это альвы? – спросил я, опасливо глядя, как одна из мокриц тянет верхнюю часть трехметрового туловища в нашу сторону. – Альвы, это же такие веселые бородатые человечки, которые живут в горах и куют всякие кольца Нибелунгов и тому подобное.

– Ты альвов путаешь с цвергами. Куют, поют и пьют медовое пиво – цверги. А альвы – создатели кошмаров, напроць большие духи с бесконечно нездоровым воображением. Самих их почти невозможно встретить, а, встретив, заметить, зато они обожают плодить химер-монстров и оживлять дурные сны. А это значит, что шансы проработать и обкатать какую-нибудь одну нормальную тактику боя – у нас на нуле, нас ждет целый паноптикум разнообразнейших уродов.

Я моргнул и посмотрел на мокриц. Они были обозначены как «Ночная кобыла» Сто двадцать четвертый уровень.

– У них ножки, похоже, слабое место, – сказал Акимыч, вытаскивая шпагу, – они тоже в броне, но тоненькие. Если подрубить, то потом со спины эту тварь нашинковать можно, только бить надо посильнее.

– Мне вот не нравятся мешки с ядом у них под жвалами, – сказала Ева, – как бы они ядовитыми плевками не пользовались. Лошади умеют плевать?

– Верблюды умеют.

– Давайте-ка аккуратно отойдем поближе к выходу, чтобы они на нас не сагрились. Нимис, тебе такого полена для алтаря хватит? – Ева вытащила из инвентаря обрубок бревна.

– Наверное. Где ты его раздобыла?

– На аукционе купила для такого случая, в самом Шоане дерева днем с огнем не сыщешь.

– Кому алтарь? Амалее?

– Нет, Юнну-Оленю. Есть шанс, что при молитве он даст бафф на резист к ядам.

Я совершил все требуемое, и вскоре страхолудный бог друидов проступил из полена с отвращением глядя на нас косыми глазами. Видимо, с ростом уровня религии мастерства скульптора все же не прибавляется.

После вознесенных молитв невосприимчивость к ядам обрели только мы с Гусом, остальным же досталась всякая ерунда типа небольшого прироста к уклонению. Лучший бафф получил Лукась.

«В течение этого дня вы умеете танцевать первую фигуру друидического лунного танца»

Показывать нам как выглядит друидический лунный танец Лукась категорически отказался.

Еще минут десять Ева с бесконечным терпением объясняла каждому из нас: что этот каждый должен делать и, главное категорические не делать.

– Нимис, куколки наизготове?

– Да, на панели.

– Развешивай на всех сглаз, потом швыряй куклу в того, с известняковой нашлепкой на башке. После чего начинай бегать кругами. Гус и Акимыч! Бьем только нашлепчного! Ни в коем случае не переагриваем на себя других, под хвосты не попадаем! Гус, старайся метить в лапки. Фехтовальщик... ну, не факт что ты сумеешь по нему попасть, но если и попадешь – пусть это будет глаз. Если подставились под боковой удар, или еще что – лечимся склянками! Лукась! Полностью концентрируешься только на Нимисе, лечишь лишь его. Все все поняли?

– Да!

– Ну, тогда, вперед, с богом!

Я шагнул по направлению к мокрицам и умер.

При смерти у меня выпал пакет с галетами. Ничего, подберут, небось. Кладбище оказалось не так уж и далеко, поэтому уже через час я вернулся обратно. Ночное зрение спало, но оно сейчас и не требовалось: посреди пещеры был разведен костер и булькал котелок с водой для кофейника.

– Присаживайся, – Акимыч подвинулся на камешке, освобождая место, и сунул в руки кружку.

Красиво, конечно, было. Ты такой – хоп! – выходишь, мокрица такая – хоп! – харкает в тебя зеленым, и ты такой – хоп! – лежишьдохлый. А потом в пещеру влетает, чуть ли не на реактивной тяге, Хохон, и делает зверушкам капец. Шедеврально!

Только сейчас я заметил отблеск костра на доспехах у стены.

– Но, конечно, ни лута, ни опыта, – сказала Ева, тыкая посохом в угольки. – Самый бессмысленный бой из всех возможных – никто ничего в принципе не получил.

– Почему же, – сказал я. – Я получил одну единицу сопротивления к магии природы.

– Хоть что-то. А к выносливости, стойкости больше ничего не упало?

– Нет, – сказал я. – Больше ничего не упало. Кроме моей самооценки.

– Впрочем, глупо было бы ждать чего-нибудь другого. Тридцатый уровень против двадцатых... С другой стороны, пещера очищена, можно идти дальше. Какое-то время будем пытаться пробиваться вперед вот таким образом.

– Не могу сказать, чтобы мне эта идея очень нравилась, – осторожно начал я. – Хотя если они все будут разбираться со мной так же быстро, то еще ничего – я почти ничего не успел почувствовать.

– А вариантов нет, – сказала Ева. – Мы, конечно, будем пытаться кого-нибудь убивать, но что получится, то получится. В роли смертников вы с Акимычем могли бы чередоваться, но так

как под танка (о боже мой!) мы качаем именно тебя, то тебе тренировать статы и сопротивления ко всем атакам важнее. Допивайте чай, разбираем костер и идем позориться дальше. Хорошо хоть мобы, вероятнее всего, тут не будут воскресать пока хоть кто-нибудь из нас в локации остается.

Следующий группой мобов, ожидающей нас в проходе за пещерой, оказались гигантские мотыльки со щупальцами, которые успели ликвидировать не только меня, но и Акимыча, прежде чем Хохен решил навести порядок. По Еве они тоже умудрились хором влупить шаровыми молниями, но Ева как боец сто плюс, да еще и сама – маг воздуха, отделалась половиной снесенного столба жизни.

– Смысла нет никакого пытаться вас лечить, потому, что я и первого слова заклинания произнести не успеваю. – сообщил Лукась.

– Ты все равно пытайся, – строго сказал Акимыч, – нам всем нужно расти и развиваться.

– Не думаю, – сказал я, – что нам тут удастся очень уж вырасти и развиваться.

– А зря не думаешь, – сказала Ева, вернувшаяся с разведки. – Поглядите, только аккуратно, какая там прелесть.

Прелесть выглядела как три гриба с ледяными выростами на огромных шляпках.

– Насколько я понимаю, – вкрадчиво сказала подошедшая сзади Ева. – у нас появился шанс проверить твой гигантский резист к холоду.

«Ледопогань пещерная 124 уровень»

Ледопогань пещерная, что приятно, сидела, как и положено грибам, на одном месте. А что неприятно – каждый из грибов пулялся во все стороны острыми сосульками. Впрочем, первая же сосулька, ударившая меня в грудь, сняла всего два очка здоровья и рассыпалась белым прахом. Однако ни Акимыч, ни Гус принять участия в дальнейшем веселье не смогли, так как попали они под такую ледяную стрелу – она прошла бы их насквозь. Так что я послал своих куколок кромсать грибы, а сам стоял, содрогаясь под сосулечным обстрелом, пока Ева с дальней дистанции заливала ледопогань молниями, вихрями и потоками искр. Дошли грибы мучительно медленно, так как даже атаки Евы наносили им очень скромный ущерб, мои же попытки кромсать шляпки ножиком и пинаться были совершенно не результативными. Ни у одного из этих грибов я не смог отнять ни единицы жизни. Впрочем, не один я был таким безруким и бесполезным. Долетавшие до меня заклинания Лукася лишь через раз восстанавливали жалкую парочку очков здоровья. И когда сосульки все же прилично меня ухайдокали, пришлось пить Евино зелье – травянистое и вонючее, похожее на сироп от кашля, даже лакричка чувствовалась.

Ева кое-как дотюкала последний гриб.

– Ну что же, мы с лутом.

– Да, с каждого гриба почти по полторы золотых прилетело – неплохо так. – сказал Акимыч, звеня мешочком на шее.

– Тут и еще кое-что есть. – Ева держала на ладони два красивых голубых кристалла.

– Это что?

– Это для кузнецов. Растираются в порошок и при добавлении в сплав дают создаваемой вещи сопротивление холоду. На Шоанском аукционе, думаю, каждый из них золотых по пятьдесят можно загнать. Все-таки в Шоане резист к огню важнее, если же их в Воль-Глач отвезти, там их с руками по сотне оторвут, если не больше. На фронтире все на холоде помешаны, там и трусов никто не купит, если на них антильда нету.

– Ну и зря, – сказал я. – Мерзли бы как следует – сопротивление само бы прокачалось.

– Нимис, ку-ку! Это только ведьмы могут получить навыки «настырность» и «упрямство», которые помогают им с бешеной скоростью качать сопротивление к магии. Простые смертные должны покупать трусы с начесом. И, кстати, о нижнем белье. Может быть, дальше пойдешь в набедренной повязке?

- Зачем? Потрясать монстров своим торсом?
- Да нет, просто на тебе уже сейчас рубаха и штаны клочьями висят.
- Ничего, – с достоинством сказал я. – У меня есть сменные в багаже.

К сожалению, до ночи мы так и не встретили новых монстров льда. Под десяток застав, которые мы прошли, использовали все прочие виды магии: змееногие пауки окутывали меня липкой паутиной хаоса, огненные пиявки заливали лавой, слепые черепахи душили пылевыми вихрями, козлоногие чудища с фасеточными глазами стрекоз, встреченные нами два раза, ликвидировали меня взрывами тьмы, а вот лед явно был в дефиците. Никого больше мы так и не убили. Зато когда мы, очистив от червекрысов небольшой тупичок, расположились на ночлег, список моих сопротивлений выглядел так:

- Сопротивление воде 17
- Сопротивление воздуху 11
- Сопротивление земле 1
- Сопротивление крови 4
- Сопротивление огню 2
- Сопротивление природе 1
- Сопротивление страху 5
- Сопротивление тьме 3
- Сопротивление хаосу 1
- Сопротивление холоду 71

Да к тому же на единицу поднялась выносливость, до двадцати девяти.

Не знаю – что уж такого захватывающего люди находят в битвах. Мне кажется, это просто трудно, больно и страшно. Уверен, что будь я могучим бойцом, который раскидывает врагов пачками, я бы тоже никакой радости не испытывал. Вопли страданий – так себе саундтрек. Я поделился этими соображениями с лежащим рядом на походном матрасике Акимычем. Тот сказал, что такие грустные мысли у меня – от холодного ужина и от того, что я пока толком так и не распробовал вкус победы.

– Когда ты дерешься как следует, то ты тащишься от того, как у тебя все круто получается. И у тебя такое большое ощущение, что ты молодец и весь мир глядит на тебя с восхищением, и все ужасно легко и весело.

– А тебе-то об этом откуда знать? – подала голос со своего матрасика Ева.

– Ну, – начал Акимыч, – мне когда на пятнадцатом уровне новые навыки дали и нужно было одну полянку с бурундуками-зомби зачистить...

– Ой умираю, бурундуки-зомби.... Мемуары великих бойцов!.... спите уж, Александры Македонские, завтра тяжелый день.

Насчет тяжелого дня Ева не угадала. После того как мы свернули в предлагавшийся по карте проход из черного базальта, заставы мобов куда-то делись. А пещера расширилась, посветлела и даже перестала быть похожей на пещеру. Мне иногда казалось, что мы просто ночью идем по горной тропе: путь пролегал над расщелиной, которая сперва выглядела как небольшая траншея, потом превратилась в полноценный обрыв, а еще через пару часов обернулась настоящей черной пропастью, так что мы шли гуськом, медленно, почти прижимаясь к стене по образовавшемуся узкому карнизу.

Шли молча – любое слово мгновенно обрастало густым эхом и начинало носиться над бездной, вызывая, судя по каменному треску, сходы мини-лавин где-то вдалеке. Как я ни таращил глаза, усиленные зельем, я не мог понять ни объемов окружающего пространства, ни направления, в котором мы двигались. Просто идти вдоль влажной стены, иногда касаясь ее

рукой, слышать шаги впереди и сзади и ни о чем не думать. А главное – не думать о том, что в метре от тебя, не исключено, бездонная пропасть. Говорят, что страх высоты иррационален. Наверное это так. Как человек, умерший накануне не менее двадцати раз, я должен был бы скакать над этой пропастью, как горный козел без малейших рефлексий, но, тем не менее, пропасть мне очень не нравилась. Вот не нравилась и все!

Лет в десять я попал в очень крутую больницу, в которой было этажей двадцать. Чувствовал я себя тогда неплохо, меня там не лечили, просто обследовали, и мы с одним мальчишкой однажды удрали до самой крыши. Ни до, ни после этого я никогда не был так высоко, дома-то мы на втором этаже живем, а по гостям меня из-за возможных инфекций не возили. Я помню что стоял и пялился на небо, а тот парень, Женька, – вспомнил как его звали, залез на самый край залитой чем-то черном крыши и заорал мне, размахивая руками: «Смотри, смотри, я сейчас упаду», а потом, увидев как я испугался, начал меня дразнить, называл труслом и все приплясывал на краю крыши. А я ведь не за себя испугался, а за него. Смотреть на кривляющегося Женьку было невыносимо. Это уже потом он сказал, что внизу под карнизом было продолжение этой же крыши, просто на этаж ниже.

Интересно, Женька сейчас жив или нет? У него диагноз тот еще был, пусть и не такой редкий, как у меня. Стена под рукой становилась все мокрее и начала местами поблескивать. Шагов через пятнадцать-двадцать блески превратились в серебристую паутину, опутывающую камень и впивающуюся в него. Шедшая впереди Ева остановилась.

– Между прочим, – это серебро, – сказала она. – И, кажется, довольно богатая жила.

– Эх, – простонал Акимыч, – нужно было горное дело брать. Сейчас бы мы этому серебру показали! Ребят, Лукась, Гус, а вы можете попытаться его немножко отковырять? Это у нас ограничения на навыки, а вы же свободные люди в свободной стране.

– Чем отковырять? – спросил Лукась, – ногтями?

– Копьем можно попробовать. Или ножом.

– Не валяйте дурака, – сказала Ева. – Это шахта уровня сто плюс. Никаких ногтей и ножей вам не хватит.

– Хоть чуточку!

– Ну, попробуйте, – со вздохом сказала Ева.

Когда ни ножи, ни ногти не помогли, Гус размахнулся копьём и попытался всадить его в жилу. Копье соскользнуло, вырвалось у Гуса из рук и рукояткой прилетело мне по зубам. Я отшатнулся, поскользнулся на натекшей со стены луже и, взмахнув руками, полетел с тропинки вниз – в пропасть. Ничего-ничего, – еще успел подумать я, слыша крики друзей. Сейчас воскресну на кладбище, дорогу я, кажется, помню... или не помню?

Это явно не было кладбище Шоанских предгорий, на котором я знал уже каждый камень. Мой призрак болтался среди низеньких, светящихся зеленовато-желтых грибов, в центре площадки, образованной округлыми валунами. Спереди, сзади, где угодно царил темный, кто мог обитать в этой темени – оставалось только гадать, и я даже на слегка пожалел, что не смогу остаться призраком подольше – призракам-то никакие сюрпризы не страшны.

Глава 8

Воскреснув среди грибов, я принял очень неправильное решение: идти туда, где по моим расчетам могли бы быть остальные. Учитывая, что я понятия не имел, где они находятся, (а уж тем более – где нахожусь я сам), это было весьма и весьма самонадеянно. Уже через час я понял, что не просто заблудился, это-то было ясно с самого начала, но что я потерял и все шансы быть обнаруженным любой спасательной экспедицией.

Подземелье было исключительно темным и обширным, почти настоящий подземный мир, который, возможно, был очень живописным, вот только разглядеть я его не мог. В инвентаре лежал фонарь, полностью заправленный маслом, и какое-то время я это масло бездумно жег, пока не спохватился, что его надо побереечь для каких-нибудь особых обстоятельств. Так я оказался в полной черноте и отныне мог ориентироваться лишь на запахи и звуки – капанье воды, далекий скрежет чьих-то когтей, прелый мох и древний камень. В конце концов в этой темноте меня-таки посетила светлая мысль о том, что нет никакой разницы – идти или сидеть на месте. Я съезился у стены и наконец-то в первый раз после падения решил подумать. Карта сокровищ осталась у Евы, а в имеющейся на панели карте Шоанского хребта сейчас вообще не было никакого смысла: даже вход в нашу пещеру обозначался на ней лишь крохотным пятнышком. Я поискал на карте значки кладбищ, но там было только одно, то, которое осталось снаружи. Попытался понять – с какой высоты примерно упал – и если учесть, что падал я секунд десять... вот только я понятия не имел с какой скоростью падают люди. В голове вертелось только «ускорение свободного падения = 9.8 и обозначается буквой g» вот только куда это g нужно прибавлять, или на что умножать, или хотя бы в чем измерять, я, хоть убей, не помнил. К тому же абсолютно уверен, что в Альтрауме эти «g» совершенно другие, чем на Земле. Ну, допустим, я пролетел километр. Или два. Ага, а после этого воскрес на кладбище, которое может быть вообще в трех днях пути отсюда влево на север... Как ни соображай – ничего тут не сообразишь.

В очередной раз привычно прочел себе злобную и оскорбительную лекцию о том, что нужно было купить персональный почтовый ящик, благо у меня были все возможности это сделать и ни одной причины, чтобы этого не делать. И я этого все таки не сделал. Ну, не молодец ли?! Искать меня, конечно, будут. Сперва поорут в пропасть, потом попробуют спуститься вниз. Потом догадаются идти искать местное кладбище... понятия не имею сколько времени у них это займет, но даже придя на кладбище, они меня там не обнаружат, потому что я с тех пор убрел неведомо куда, сам не зная зачем. Отлично, просто отлично!

Вдобавок ко всему еще очень хотелось есть, после смерти всегда хороший аппетит. Как назло ничего съедобного в инвентаре не нашлось, и я горячо пожалел об утраченной пачке галет. Так как ни до чего я не додумался, решил брести, до тех пор, пока бредется. Решил и сделал.

Относительно ровная поверхность под ногами постепенно сменилась россыпью камней, которые все увеличивались в размерах, и в конце концов я обнаружил себя затертым меж валунов с меня размером. Вскрабкавшись на очередной выступ, я все-таки зажег фонарь, чтобы хоть как-то осмотреться. Уже ужасно хотелось есть и, главное, пить, поэтому я не удержался от радостного возгласа, увидев, что свет фонаря отразился от поверхности воды. В проломе, куда меня занесло, было самое настоящее подземное озеро: не очень большое, можно сказать, крошечное, но явно мокрое, а мне больше ничего сейчас не требовалось. «Надеюсь, это не нефть и не какой-нибудь сернистый источник», бормотал я, сползая по камням. Не нефть точно, нефть воняет».

Это была настоящая вода, настолько холодная, что от нее заломило не только зубы, но и сразу весь череп. Но это была вода, и я благодарно наполнил ею пустую флягу.

– А теперь посмотрим, не водится ли тут рыбка.

Рыбка водилась. Мерцающий голубым светом поплавок нырнул уже через несколько минут после заброса, и я вытянул из воды белую извивающуюся веревочку, обозначившуюся как «слепоглазка блеклая». Очень подходящее название – глаз у рыбки я не обнаружил. Когда к первой слепоглазке добавилось четыре ее товарки, я разделал рыбу и, решив, что пусть это будет сашими, а я пусть буду японец, приученный есть сырую рыбу с младенческих кимоно, пообедал. Расстелил коврик, чтобы слегка отдохнуть от всего пережитого, и тут у меня так скрутило живот, что я аж упал на четвереньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.